

The background of the cover is a dark space scene. At the top, a large, grey, cratered planet (likely the Moon) is partially visible. Below it, a smaller, brownish planet with a textured surface is shown. In the bottom left, a large, vibrant Earth is depicted with blue oceans and yellowish-brown continents. A small satellite or space station is visible near the Earth. In the bottom right, there are several colorful, glowing spheres in shades of blue, green, and yellow. The text is overlaid on this scene in a bold, red, outlined font.

ЕВГЕНИЙ ПРЯХИН

КРАСНЫЙ ПАУК

ИЛИ

СЕМЬ СЕКУНД

ВЕЧНОСТИ

роман

Евгений Пряхин

**Красный паук, или
Семь секунд вечности**

«Автор»

2012

Пряхин Е.

Красный паук, или Семь секунд вечности / Е. Пряхин —
«Автор», 2012

«Красный паук, или Семь секунд вечности» Евгения Пряхина – роман, написанный в добрых традициях советской фантастики, в котором чудесным образом переплелись прошлое и настоящее. Одной из основ, на которых строится роман, является вопрос, давно разделивший землян на два непримиримых лагеря. Это вопрос о том, посетила ли американская экспедиция Луну в 1969 году, чьё собственное оригинальное решение предлагает автор «Красного паука». Герои «Красного паука» – на первый взгляд, обычные российские люди, погрязшие в жизненной рутине. Однако читатель вскоре узнаёт о том, что им суждено сыграть ключевую роль в истории России. Юрий Лукьянов, учитель физики и астрономии, считается среди своих знакомых чудачком: вкалывает в школе за мизерную зарплату и после развода не пытается отсудить у жены имущество. В мире, где правят деньги, такое поведение кажется как минимум странным. Однако именно этот бессеребренник и становится главным героем романа. Для него важна справедливость, вне зависимости от того, чем ради её восстановления придётся пожертвовать, и, в конце концов, его взгляды находят отклик и в сердцах других героев.

© Пряхин Е., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	38
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	49
Глава 14	56
Глава 15	57
Глава 16	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Евгений Пряхин

Красный паук или семь секунд вечности

*Пора, когда сквозь веток паутины волшебный голос соловья звучит,
Слова любви вдруг обретают силу, и голос разума молчит,
И ветер тихий, тихая вода шлюет музыку внимательному слуху,
Цветок, облитый свежестью слегка, и звезды в вышине равны по
духу...*

*(The Twilight (Сумерки). Джордж Гордон Байрон.
(Автор перевода – Черный Дворник-Астроном)*

Тусклое солнце, едва различимое в желто-сером «молоке» низких облаков, сильно напоминающих туман, соскользнуло к западу. Яркие, закатные лучи, прорвавшиеся сквозь облачный разрыв, позолотили напоследок верхушки сосен далекого леса и, отбросив фиолетовые тени, сошли на «нет», возвещая наступление последнего действия – сумерек. В эти скоротечные мгновения уже скрывшееся за горизонтом светило продолжало по инерции напитывать густой туман облаков тихим, слабеющим светом.

Удар чудовищной силы в башню накренил «тридцатьчетверку». Танк на мгновение застыл на одной гусенице, но не перевернулся, а сполз на глиняное дно оврага. Дизель взревел, пытаясь дотянуть машину до противоположного берега, но грязная «каша» поглотила всю ходовую часть. Хотя «глиняные гусеницы» и продолжали вращаться, сам танк оставался неподвижным.

– Командир! – кричал оглушенный механик-водитель сержант Павел Гудков, – я ничего не слышу! Командир!

Аварийная лампа, мигнув, погасла, и в темном пространстве повисла липкая, белесая пелена с отвратительным привкусом металлической пыли.

– Командир! – снова закричал Гудков, пробираясь в башню к просвету от пробойны. – Петросипович! Сашка!

В нарушение устава, не обращая внимания на близкие пулеметные очереди, механик-водитель вытащил через верхний люк командира танка – лейтенанта Петра Лукьянова и уложил его на панель радиатора.

– Сашке помоги, – прошептал Лукьянов, – Сашке...

– Да, командир, сейчас отдышусь, – привалился спиной к башне сержант Гудков и добавил, – опередил нас «тигр» – гад! Позиция у него – что надо. Река здесь сужается. Он из кустарника и саданул, сволочь. А болванка долбанула как раз по твоему месту.

По броне хлестнули осколки близкого взрыва.

– И какого хрена ты полез в этот овраг? – пригнул голову Гудков.

– Павел, я получил приказ от комбата, – еле слышно шептал Лукьянов. – Провести разведку этого оврага.

– Разведку оврага провести, говоришь? А, кто теперь докажет, что такой приказ был? Кто? – наваливался Гудков на командира. – Я такого приказа не слышал. Шли бы сейчас в колонне, целые и невредимые. Я давно за тобой наблюдаю, Лукьянов. Тебе бы все на скрипочке играть. Похоже, ты отыгрался: у тебя с левой рукой что-то, и контузило тебя. Да и скрипка твоя вдребезги, – наседавал Гудков. – А теперь-то я все доложу Вычужанину, нашему особисту. И зачем ты метлу в танк притащил? Только место занимает. Пусть теперь Вычужанин знает правду, как ты хотел в овраге отсидеться.

– Какую метлу? Павел? Ты что? Дурить вздумал? – попытался приподняться на локтях Лукьянов. – Я приказ получил!

– Подставить бок «тигру»! – перехватил инициативу Гудков. – Такой приказ ты получил?! А метлу я выбросил – она мешалась, когда я тебя вытаскивал.

– Ты что несешь! – шепотом «кричал» Лукьянов. – Да я тебя... под трибунал!

– А-а, угрожаешь? – радостно «стрелял» глазами сержант Гудков. – Это я, похоже, тебя под трибунал подведу. Всем расскажу, как ты машину угробил! Вредитель! А Сашка и Махонько погибли из-за тебя! И я тут сижу под пулями!

Закат догорал, и верхушки сосен на противоположном берегу реки проступили четкими силуэтами на фоне желтого неба.

– Ладно, ладно, командир. Ты тут полежи пока, – приговаривал Гудков, – а там разберутся. Чей был приказ, от кого приказ? Ехали бы сейчас себе и ехали на Берлин, – стукнув с размаху черным кулаком по башне рядом с номером «пятьсот двадцать три», он полез в люк. – У меня пять боев. Два раза горел, но такого случая не помню. Как ты увернулся от болванки, командир? Почему снаряды не сдетонировали? Болванка же должна была и тебя прикончить! Все доложу, – продолжал бурчать сержант Гудков.

Беспомощный Петр Осипович с ненавистью глянул на широкую спину своего механика и прошептал:

– Гнида ты, Пашка! Чтоб ты сдох...

Часть первая ЧЕМОДАН С ВЕНЗЕЛЕМ

Глава 1

Раннее утро, суббота 17 июля 1999 года. Москва

– Доброе утро, Петр Михайлович, – полковник ФСБ Наталья Павловна Зырянова в белом халате поверх элегантной брючной пары фисташкового цвета и в облаке французских ароматов, осторожно прикрыв дверь палаты реанимации, вышла в коридор.

За окном висела половинка «стареющей» Луны.

– Очень рада знакомству, но у нас всего пять минут, – Наталья Павловна сориентировала золотые часики к свету, машинально отметив: «шесть тридцать утра, восемнадцатое июля 1999 года, пятница».

Наталья Павловна Зырянова, сделавшая головокружительную карьеру в возрасте чуть за сорок, всего как два месяца назад была утверждена в должности начальника Аналитического Управления ФСБ России. Несмотря на столь «юный» возраст и высокий пост, она продолжала оставаться женщиной, обладающей особым даром – сочетать красоту, ум, должность и умение эффективно использовать этот «сплав» на службе и в быту. Если к упомянутому «сплав» добавить способность подбирать и носить элегантную одежду, даже мундир, то становится понятным, почему полученная комбинация давала полковнику Зыряновой неоспоримые преимущества в отношениях с коллегами, особенно с мужчинами. Беседа с Натальей Павловной превращалась в некий вид допроса, но сослуживцы всех рангов, званий и должностей, охотно соглашались на это. И Звягин не был исключением.

– Я вас слушаю, товарищ полковник, – зашуршал громким шепотом майор Звягин, имеющий вид профессионального командировочного: в помятом костюме, белой рубашке, галстуке и с чёрным портфелем. – И у меня есть еще сообщение от Удалова.

– Это потом, – внимательно оглядела его Зырянова. – Петр Михайлович! На прошлой неделе вы получили план мероприятий и инструкции. То, что я вам сообщу, будут знать пока всего четыре человека: генерал Борисов, мы с вами, а Удалова вы лично проинформируете сегодня же по прибытию.

Звягин принял стойку смиренно.

– Разрабатываем Лукьянова Юрия Петровича, – тихо, но внятно проговорила Зырянова.

– Все-таки Лукьянов!? – мгновенно среагировал майор Звягин. – Мы так и думали.

– Думали? А почему?

– Да как сказать, товарищ полковник, Лукьянов вроде как не от мира сего: в детский садик не ходил, вечно с ним случались всякие истории, то в школе, то в институте. От жены ушел. Станный какой-то.

– Что за странности? Доложите!

– Вот хотя бы... – на мгновение замаялся Звягин, – все имущество после развода оставил жене, включая двухкомнатную квартиру. Живет теперь один, на квартире у тетки – жены Кондратьева. А теперь взял и уволился из школы! А ведь столько лет проработал учителем физики и астрономии. Но куда собрался? Как будто его только и ждут в этой Москве? Уже билет купил – деньги выпросил у родителей. Родители старенькие – пенсионеры. В общем, ведет себя глупо, на мой взгляд. Другой бы на его месте вцепился в квартиру, выбил бы свою долю по суду и жил один.

– Очень может быть, – задумчиво посмотрела на стареющий месяц Наталья Павловна. – И как же он в школе столько лет проработал – с такими странностями?

– Дык, товарищ полковник, только «такие» в школах и работают: нормальные уже давно разбежались. Кто же за такую зарплату и за такое отношение будет теперь сеять «доброе – вечное»?

– Понятно, Петр Михайлович. Хотя сомнения насчет Лукьянова сохраняются, но ждать уже нет времени, – кивнула Зырянова на дверь палаты. – Вероятно, Николай Иванович умрет. Поэтому Юрий Лукьянов должен получить чемодан с вензелем.

– Все сделаем, товарищ полковник.

– Так, говорите, он в Москву собрался?

– Так точно, собрался. Взял займы у родителей денег. Купил билет на поезд. Я говорю: странный, – добавил Звягин.

– Отлично! Пусть Лукьянов и приезжает к нам с этим чемоданом. Здесь нам его будет удобнее контролировать. Так что содействуйте его поездке, товарищ майор.

– Я вас понял, Наталья Павловна, – подтянулся Петр Михайлович. – Будем содействовать поездке Лукьянова в Москву.

– А сами-то вы не могли догадаться? – нахмурилась полковник Зырянова. – «Будем содействовать!», – передразнила она Звягина, – а оказывается, у человека даже нет денег на дорогу! Проработайте эти вопросы и доложите. А Удалову сообщите, что нашим «героем» является Лукьянов Юрий Петрович – племянник Кондратьева. Вы когда на родину, в славный город Уральск?

– Вечером рейс из Домодедово до Кольцово, – четко отрапортовал Звягин.

– Хорошо, до свидания, – развернулась на каблуках полковник Зырянова.

– Наталья Павловна! – воскликнул вдруг майор Звягин. – Выслушайте меня. Это просьба Удалова.

– У вас ровно минута, – взглянула на часы Зырянова.

– Спасибо. А то Удалов приказал мне не возвращаться, пока я с вами не переговорю на эту тему. Вы меня извините, Наталья Павловна, за настойчивость.

– Я вас слушаю, товарищ майор.

– Так в том-то и дело, товарищ полковник, что ничего пока, слава Богу, не натворили. Наверное, – осторожно подбирал слова майор Звягин. – Я хочу вас проинформировать о том, что у нас в Уральске объявился некий феномен, который мы пока не можем ни идентифицировать, ни локализовать. Сначала хотели справиться с ним своими силами, но теперь понимаем: ситуация близка к критической, поэтому просим вашей помощи и поддержки.

– «Ничего неделание» тоже поступок, – пристально взглянула на провинциального коллегу полковник Зырянова. – Подробнее, пожалуйста.

– Так вот, завелась у нас в Уральске одна достопримечательность, в народе ее тут же окрестили: «Черный Дворник-Астроном», – выпалил Звягин одним махом.

– Как?

– «Черный Дворник-Астроном», товарищ полковник, – майор Звягин, старательно маскируя приступ смущения, надвинул густые брови на серые глаза, – этот дворник-астроном и пугает народ.

– «Черный Дворник-Астроном» говорите?! – улыбнулась Зырянова, придерживая халат на плечах. – Черный Дворник – понятно. По аналогии с «черным принцем», «черной вдовой», но откуда «астроном» взялся?

– Говорят, когда этот дворник подметает, то может подолгу звезды разглядывает. Иногда даже в маленький бинокль. И что-то помечает в блокноте, подсвечивая себе фонариком.

– А он что, по ночам работает?

– Да, в том-то и дело, что по ночам, – воодушевился майор Звягин. – Говорят, если этот дворник-астроном подметет у какого-нибудь подъезда с трех до четырех утра, то из этого самого подъезда через три дня кого-нибудь выносят вперед ногами.

– В каком смысле?

– Кто-нибудь из этого самого подъезда умирает, и через три дня его выносят вперед ногами – в соответствии с нашими православными традициями.

– Умирают? В самом деле? – не удержалась от усмешки Зырянова.

– Вы вот не верите, товарищ полковник! И надсмехаетесь еще...

– Какое там! Я сама сижу рядом с умирающим. Уже скоро пять часов будет, – Наталья Павловна кивнула на дверь палаты. – Так что мне совсем не до смеха, а через полтора часа я должна быть у Борисова, – она вновь посмотрела на часы. – Так, и что дальше?

– Имеющиеся оперативные данные подтверждают эти факты на девяносто девять процентов: после подметания Черным Дворником именно в этом подъезде покойник гарантирован!

– А вы все точно проверили? – профессионально засомневалась Зырянова. – Может, это какой-нибудь местный «шутник», знающий ситуацию через знакомых, родственников, кто на очереди, людей дурачит? Ну, разные бывают обстоятельства: кто-то умирает по возрасту, кто-то находится в коме, у кого-то тяжелая и продолжительная болезнь. А Уральск город небольшой. Какова там численность населения?

– Около ста тысяч, товарищ полковник!

– Да не особо и маленький, – вслух продолжила свои размышления Зырянова. – Хотя при желании, думаю, можно эти данные и одному человеку собрать.

– Можно, товарищ полковник, – согласился Звягин, – эту версию мы тоже отработали. Есть, конечно, некоторые совпадения по так называемому ожидаемому результату. А вот как быть с теми, кто не собирается в данный момент на тот свет?

– А что, и такие факты есть?

– Да, есть. Вот, совсем свежий пример. Буквально позавчера, двенадцатого августа, молодого парня по фамилии Ильичев насмерть задавило ковшом экскаватора на одном предприятии.

– И что?

– Есть свидетели. Той ночью у подъезда дома, где проживал потерпевший, подметал Черный Дворник. И как раз точно с трех до четырех утра. Факт наблюдения зафиксирован в протоколе. Вот такие дела, товарищ полковник.

– Понятно, Петр Михайлович. А вы его хоть сфотографировали? Камеры видеонаблюдения и оперативная съемка? Фото есть этого дворника?

– Нет. Фотографий нет. Пытались снимать и на «цифру», и на пленку. Пустое место, как от снежного человека. Вот и поползли слухи.

– Ясно. Снежный человек объявился в Уральске в облике дворника.

– Ситуация в городе накаляется с каждым днем, – обеспокоенно произнес Звягин. – И мы опасаемся, что не справимся: бабки пустили слух: тот, кто убьет этого самого Черного Дворника, обретет бессмертие! Представляете?! Возникла настоящая травля бедных дворников! У нас их и так не хватает! Ну, кто сейчас пойдет убирать за четыре триста в месяц?! Прямо диверсия! Понимаете? И зарплата самая маленькая, и престиж – минимальный. Так что метлой работают в основном или бомжи, или те, у кого с головой не все в порядке. Так ведь и они почти все уволились от страха за свою жизнь! Я уже и не говорю о проблемах чистоты на улицах и во дворах. Получается, человеческие жизни под угрозой! Те, которые не уволились, не только отказываются работать, но и боятся просто появляться с рабочим инвентарем на людях! Милиция уже несколько раз отбивала их от разъяренной толпы случайных мужчин с метлами.

– Неужели зарубежные спецслужбы опустилось до такого уровня? – улыбнулась Наталья Павловна.

– В самом деле? – удивился майор Звягин, – неужели само...

– Это я пошутила. Хотя это их стиль – совать нос, куда угодно. А как выглядит этот Черный Дворник? Приметы есть? Отпечатки пальцев?

– Отпечатков нет – работает в перчатках, – вспоминал описание Звягин. – Рост выше среднего. Волосы длинные, борода. На голове повязка – бандана. Черная куртка с капюшоном, черные джинсы, короткие сапоги – берцы. На спине черный ранец со световозвращающими вставками. И очки...

– Наверное, тоже черные, – усмехнулась Зырянова.

– Так точно, – закивал майор Звягин, – очки светозащитные.

– Какая-то интересная форма одежды получается? И он что, подметает ночью в темных очках?

– Именно, так, Звягин. – И еще у него всегда с собой полный набор зимнего инструмента: лопата, скребки и метла.

– Очень выдающиеся приметы, – иронично отметила полковник Зырянова. – И вы по таким приметам не можете его вычислить?

– Нет, не можем, – морщил лоб Звягин. – Прямо наваждение.

– Все понятно, – охладела к теме Зырянова, – обсудим позже. Сейчас ваша главная задача – Кондратьев.

Дверь реанимационной палаты распахнулась:

– Наталья Павловна! – громко позвала медсестра. – Быстрее сюда!

– Все на сегодня. Чемодан должен быть завтра у Юрия Петровича Лукьянова, – уже на ходу проговорила Зырянова. – Значит, говорите, лопата и метла.

– До свидания, Наталья Павловна, – Звягин проводил взглядом фигуру в халате до дверей.

Глава 2

Южный Урал. Апрель 1944 года

...Тусклое Солнце, едва различимое в желто-сером молоке низких облаков, напоминавших более туман, соскользнуло к западу. Прорвавшиеся сквозь далекий облачный разрыв яркие закатные лучи, подрумянили напоследок верхушки сосен, стены и крыши строений и, отбросив фиолетовые тени на вчерашний снег, сошли на «нет», возвещая тем самым наступление последнего действия – сумерек.

В эти скоротечные мгновения уже скрывшееся за горизонтом светило продолжало по инерции напитывать густой туман облаков тихим, слабеющим светом. Вдруг, прервав череду многочисленных преобразований и изменений, установившееся мимолетное равновесие атмосферы, наполненное мягким, таинственным свечением, поглотило все звуки. В тот же миг на несколько стремительных секунд в этой местности на Земле исчезли все тени. Разгулявшийся, было, ветер объявил о временном перемирии, а желтый воздух загустел.

Маленькое лесное озерцо напоминало «блюдец», и по этому «заснеженному блюдцу» шел человек.

Весна 1944 года на Южном Урале была затяжной и холодной. Хмурый апрель никак не мог справиться со снегом, который, казалось, и не собирался стаивать. Нешуточные снегопады и даже метели не оставляли весне ни малейшего шанса распорядиться своим законным правом, а появившиеся с юга перелетные птицы были явно обескуражены местными суровыми условиями обитания и наполняли лес удивленным гомоном по этому поводу. Но все же на высоких местах стали появляться проталины, покрытые прошлогодней листвой и хвоей, с мышинными дорожками, и к середине апреля по всему лесу поползли тихие ручейки.

– Иван Данилович! Салют! А меня к тебе прикомандировали, – Николай Иванович Кондратьев прыгнул вниз с косогора. – Говорят, ты один остался?

Наверху трое конвойных что-то горячо обсуждали.

– Да, остался, – зло ответил заключенный спецучреждения «Санаторий» Иван Шилов, отводя глаза. – Горина взяли. Только что увезли...

– Так, понятно, – сразу присел на корточки Николай Иванович и стал приподнимать край упругого дерна. – Говори, что дальше было.

– Он мне успел шепнуть, что Шустрый давно под него копал, – настороженно посмотрел на охранников Шилов. – Но сейчас предъявили порчу военного имущества и саботаж. А за это по закону военного времени – расстрел.

– Расстрел?! – изумился Кондратьев.

– Да, расстрел! – с размаху всадил лопату в дерн Шилов. – Какие-то зверюги скрутили ему руки проволокой, сунули головой в мешок – и в кузов. Как поросенка!

Закат вспыхнул багрово-красной полосой над дальним лесом. Конвой, доставивший Кондратьева, удалился в сторону вышки с прожектором.

– Слава Богу, – произнес шепотом Шилов, – этот душегуб уходит.

– Который? – поинтересовался Кондратьев.

– Да вон тот, что слева – старшина Бубенцов. Такая сволочь! – потемнел от гнева Шилов. – Из расстрельной команды.

– А почему он сейчас в охране?

– Это у него такое увлечение, – Иван Данилович продолжал резать дерн. – Иногда он просится охранять заключенных.

– Зачем? – Николай Иванович осторожно распрямил большую спину и аккуратно вывалил ведро перегноя на носилки.

– Бубенцов ходит в наряд, чтобы подстрелить какого-нибудь политического при попытке к бегству. В прошлом году летом он застрелил Петра Ложкина. Говорят, Ложкин подвернул ногу и присел, а Бубенцов решил, что зэк спрятался, чтобы бежать и дал очередь. А вот этой зимой ему пока не везет. Так что...

Заклученные спецподразделения «Санаторий» Кондратьев и Шилов переглянулись.

Закат над озером стал набирать силу, и в эти мгновения уже скрывшееся за горизонтом светило продолжало по инерции напитывать густой туман облаков тихим, слабеющим светом.

Оба заключенных имели одинаковый внешний вид: заношенные телогрейки с номерами, шапки-ушанки и лоснящиеся ватные штаны, заправленные в кирзовые сапоги. У обоих были осунувшиеся обветренные лица и вечерняя щетина. Кондратьев был в круглых очках, но выглядел моложе, был решительнее в суждениях и в поступках. В «Санаторий» Николай Иванович «поступил» полторы недели тому назад и поэтому пока имел право задавать вопросы. Иван Данилович Шилов очков не носил, был ниже ростом, но выглядел старше.

– И кто же с нами остался? – Кондратьев осторожно кивнул в сторону охранника на деревянной лестнице с перилами. – Еще один душегуб?

– Это Валенда, – отвечал тихо Шилов, – сержант Валенда Василий Петрович, слава Богу, не душегуб.

– Валенда... интересная фамилия, – нахмурился на закат Николай Иванович. – Услышишь один раз и на всю жизнь запомнишь.

– Да, – согласился Иван Данилович, – у него не только фамилия запоминающаяся, но и сам он – хороший мужик. Заключенных жалеет, даже подкармливает. И еще у него феноменальная память и абсолютный музыкальный слух. Так что потише при нем. Он все равно «вохр».

– Разговоры – прекратить! – раздался высокий сиплый голос. – А то дам очередь – и будете оба лежать... при попытке к бегству.

Здоровенный круглолицый детина лет двадцати, в шапке-ушанке с подвязанными снизу клапанами, бушлате и огромных валенках, выразительно похлопал по автомату.

– До чего же у него противный голос! – бросил в сторону Николай Иванович и неожиданно крикнул так, что вспугнул ухоженную синицу, присевшую на перила деревянной лестницы. – Василий Петрович!

Заклученный Шилов моментально прижался спиной к ближайшей сосне, а темнеющий лес откликнулся эхом.

– Василий Петрович, – повторил звонко Кондратьев. – Мы две нормы сегодня сделали; снабдили перегноем весь второй этаж восьмого корпуса, а ты нам с Иваном Даниловичем даже перекинуться словечком не даешь. Спускайтесь сюда, я дам вам сигарету. Мне их привез лейтенант Петров. Покурим трофейные!

И выразительно похлопал себя по карману.

Фигура часового четко выделялась на фоне кремового трехэтажного санаторного корпуса, освещенного закатными лучами в соснах и с колоннами.

– Разговорчики, – строго просипел сержант Валенда и, оглянувшись по сторонам, стал осторожно спускаться вниз по ступенькам.

– Порядок! Вот сразу бы так, – усмехнулся Николай Иванович, – а то: «дам очередь!». Предлагаю перекур и, думаю, что на сегодня хватит рыться в земле.

Шилов вопросительно посмотрел на Кондратьева.

– А если Иван Данилович оттяпает мне палец ржавой лопатой в темноте? Что тогда?

– Ладно, ладно, – дышал крутым чесноком розовощекий Валенда. – У тебя что, целая пачка сигарет? Фрицевские?

– На! Держи свою пачку, – усмехнулся Кондратьев. – Я не курю. Только выдели одну сигаретку для Ивана Даниловича.

Сержант Валенда протянул одну сигарету заключенному Шилову, а пачку спрятал себе вовнутрь.

– Перекур пять минут! – сержант Валенда по-хозяйски уселся на ступеньку, широко расставив ноги в огромных серых валенках. С удовольствием затягиваясь вражеским дымком, произнес. – Потом быстро собрать инструмент и на базу. Начальство к тебе едет, Кондратьев. Так что готовься ответ держать.

– Понятно, – сразу приуныл Николай Иванович. – А какое сегодня число?

– Сегодня семнадцатое апреля сорок четвертого года, – ответил конвойный, выпуская дым через нос. – Как доставлю тебя в номер, сразу приведи себя в порядок и побрейся еще раз. Понял?

– Так точно, – окончательно сник Кондратьев.

Несколько секунд заключенные смотрели на багровую полосу, темнеющее синее небо и озеро внизу. Маленькое лесное озерцо под снегом было круглое, как блюдце, и по этому «заснеженному блюдцу» шел человек.

– А кто это там идет? – спросил Кондратьев, ежась от налетевшего порыва свежего ветра.

– Это же наша Марья-Искусница, – отвечал Шилов, – Маша, старшая дочь нашего завхоза. Первый рыбак во всей округе – после смены идет на рыбалку в любую погоду и без улова никогда не возвращается. У нее есть свой особый секрет и удача. Все старожилы к этому привыкли и уже не обращают на нее внимания.

– И что, всегда с уловом?

– Да, сколько помню, всегда у нее есть рыба, – аккуратно направлял струю дыма вверх Шилов. – Сначала отца, мать, детей накормит. А потом Захарычу, здешнему инвалиду и его семье, обязательно оставит хвостов пять. А бабка Понамарева только на этой рыбе и держится.

– И вправду Марья-Искусница – каждый день с уловом! – подумал вслух Кондратьев, глядя на махонькую фигурку с санками. – В таком деле и мужику-то не всякому везет.

– А как называется этот островок? – показал рукой в сторону озера Николай Иванович, пытаясь отвлечься от гнетущих мыслей о приезде начальства.

– Остров «Надежды», – гордо ответил Шилов, осторожно выпуская дым.

Да ты что! «Надежды»? – удивился Николай Иванович, – очень символическое название. Тем временем фигурка скрылась за островом.

– Как там на фронтах? – Кондратьев повернулся к охраннику.

– Бьются насмерть, не в пример вам, дармоедам, – заученно просипел Валенда, – Эх! Война скоро кончится, а я проторчал тут, аж с сорок второго года!

– Так ты ж ценнейший кадр, Василий Петрович, если я правильно понял, – переглянулся Кондратьев с Шиловым. – И на фронт не отпускают?

– Сказали: жди – вызовем, – заулыбался пахнувший, помимо чеснока, еще потом, ваксой, кирзой и ружейным маслом сержант Валенда. – Ротный мое заявление принял и сказал: дело пошло.

– Везет же некоторым! – сплюнул Кондратьев. – А тут мучаешься только потому, что имел неосторожность окончить университет. В чем моя вина?

– Горе от ума, – с досадой произнес Шилов, опять приваливаясь к сосне спиной.

– Точно! Горе луковое! – поддержал охранник Шилова и засмеялся. – Запомни, зэк! Ни с того ни с сего сюда никто не попадает. Я два года здесь ляжку тяну и знаю точно: настоящие мужики все на фронте. А вы политические – хуже чумы. Так наш комиссар говорит.

Налетевший порыв ветра заставил отвернуться от озера.

Глава 3

Утро. Суббота, 17 июля 1999 года. Москва

Утро началось для генерал-майора ФСБ России Александра Григорьевича Борисова в обычном режиме: размеренно и неторопливо.

– Майор Валенда появился? – спросил генерал Борисов у адъютанта.

Его слова эхом прокатились по просторному и прохладному кабинету, оформленному в советских традициях – без современных отделочных материалов и инновационных интерьерных решений. Из всех новшеств – только большой плазменный телевизор в нише и кондиционер. В кабинете, помимо генерала, находился полковник Зырянова при полном параде и в мундире.

– Да, товарищ генерал, – торжественно доложил адъютант, – майор Валенда ожидает в приемной.

– Пусть войдет.

– Разрешите, товарищ генерал? – четко доложил модно подстриженный высокий атлет в мундире с иголки. Даже в просторном генеральском кабинете майор Валенда выглядел внушительно и масштабно.

– Да, проходите, Павел Васильевич, – генерал Борисов даже приподнялся над креслом и посмотрел на напольные часы, стоящие под портретом президента, – «минута в минуту к назначенному времени» – отметил он, – умеет еще земля русская богатырей рожать! – это генерал подмигнул уже Наталье Павловне.

– Товарищ генерал, – вытянулся атлет, прижав руки ко швам, – майор Валенда по вашему приказанию прибыл.

– Вот, товарищ генерал, познакомьтесь, майор Валенда Павел Васильевич, – представила вошедшего полковник Зырянова. – Александр Григорьевич, чтобы не затягивать мы оформили для Валенды срочную командировку в Москву.

– Добро, – согласился генерал. – Рад знакомству, Павел Васильевич. Как вы считаете, Наталья Павловна, справится майор Валенда с нашим поручением?

– Несомненно, справится! – ответила Зырянова. – Послужной список заслуживает уважения. И фамилия нам известна – Василий Петрович Валенда до самой пенсии прослужил в наших войсках. Династия.

– Как себя чувствует Василий Петрович? – тут же осведомился генерал.

– Спасибо, товарищ генерал, – заулыбался Павел Васильевич, – в свои восемьдесят пять отец чувствует себя неплохо. Только вот сладу с ним нет под старость: чем старше становится, тем быстрее пытается бегать по квартире! Никак не могут его уговорить, все кругом роняет...

– Да, Василий Петрович всегда был шустрый, невзирая на комплекцию, – согласился Борисов. – Передавай ему от нас привет.

– Да, и поклон тоже, – добавила полковник Зырянова.

– Наталья Павловна, – Александр Григорьевич внимательно смотрел на Валенду, – насколько я понял, вы еще не успели пояснить Павлу Васильевичу причину его срочного появления в Москве.

– Да, Александр Григорьевич, вы правы. Ситуация изменилась стремительно, и решение надо было принимать быстро. Но главное сделано: майор Валенда здесь, в вашем кабинете. А теперь я хотела бы начать разговор в вашем присутствии, товарищ генерал.

– Да, приступайте, – генерал Борисов вышел из-за стола и стал прохаживаться по мягкому ковру.

– Павел Васильевич, – положила руки перед собой Наталья Павловна.

– Я вас внимательно слушаю, – поспешил ответить Валенда, с удовольствием разглядывая свою красивую визави.

– Павел Васильевич, – повторила Зырянова, – вы знакомы с Юрием Петровичем Лукьяновым?

– Если вы имеете в виду моего одноклассника, то да – знаком. Более того, мы с ним друзья. Я всегда встречаюсь с Лукьяновым во время моих визитов на малую родину – Уральск. Мы выросли в одном дворе и учились в одном классе. Хотя после окончания школы я переехал в Москву, наша дружба сохранилась... – обстоятельно докладывал майор Валенда, поглядывая, при этом на генерала Борисова.

– Прекрасно, – остановила его Зырянова. – А как выглядел Лукьянов при вашей с ним последней встрече?

– Как выглядит? – пожал плечами Валенда. – То ли работа в школе наложила отпечаток, то ли в детстве не наигрался, он сейчас носит длинные волосы и бороду. И выглядит не очень. Какой-то запущенный.

– Лукьянов развелся, а мужчины, как известно, тяжелее переносят разводы, чем женщины, – отметила Зырянова. – По нашим данным, Лукьянов пытается остаться на «плаву» и ищет пути решения своих проблем.

– Это всегда было его главным качеством, – подтвердил с готовностью Валенда. – А почему такой интерес к Лукьянову?

– Дело в том, что Юрий Петрович приходится племянником Кондратьеву Николаю Ивановичу. Вы, Павел Васильевич, по всей видимости, были знакомы с Кондратьевым?

– Конечно, я знаю Николая Ивановича – мы жили на одной улице, – поспешил ответить Валенда. – В детстве мы вместе с Юрой часто бывали у них в гостях. Николай Иванович – добрый, интеллигентный человек. Он очень хорошо к нам, мальчишкам, относился. Учил нас играть в шахматы. Давал уроки игры на гитаре. Интересовался нашей школьной жизнью. Что еще сказать?

– Спасибо, очень подробный ответ. Именно ваше знакомство с Кондратьевым и является причиной вашего появления здесь, Павел Васильевич. Дело в том, что Кондратьев во время войны сделал открытие мирового уровня, но в силу некоторых трагических событий он был фактически отстранен от работы над этим открытием. Но поскольку результаты его экспериментов были просто ошеломляющими, то попытки повторить хоть что-то подобное предпринимались неоднократно. А сегодня утром Николай Иванович скончался.

– Да вы что! – только и сумел вымолвить майор Валенда.

– Примите наши соболезнования, – произнес генерал Борисов. – А с Валентиной Осиповой связались? – строго спросил он полковника Зырянову.

– Да, товарищ генерал, – утвердительно кивнула она, – похороны сегодня – в два часа дня, без посторонних лиц. И сегодня же вечером отправляем вдову в город Волгоград – к дочери.

Майор Валенда тихо сидел на стуле перед внушительным столом в прохладной пустоте огромного генеральского кабинета и внимательно слушал разговор своих руководителей.

– Таким образом, товарищ генерал, – продолжала Зырянова, – учитывая все обстоятельства, мы вынуждены закрыть по согласованию с вами «санаторное дело» из-за отсутствия дальнейших перспектив в связи со смертью фигуранта. Подчеркиваю, последнего фигуранта.

– Да, я вас понимаю, – согласился генерал. – Шестьдесят пять лет спецслужбы пытались распутать этот клубок. Какие умы бились над этими загадками! Но, как говорится, не судьба. И поэтому вам остается только довести это дело до логического конца.

– Да, товарищ генерал, – еще раз сверила свое мнение с мнением руководителя полковник Зырянова, – чудес на этом свете не бывает. Кондратьев умер, и вместе с ним умерли наши надежды на позитивное развитие событий. В соответствии с нашим планом у нас есть еще три дня. Мне кажется, что напоследок необходимо основательно поработать с Лукьяновым.

А вдруг что-нибудь получится? Для начала я прошу вашего разрешения установить все виды наблюдения за Лукьяновым.

– Да, разрешаю, – согласился генерал Борисов, – и докладывайте ежедневно.

– Что ж, Павел Васильевич, – обратился генерал к майору Валенде, – хотя я несколько пессимистически отношусь к затее полковника Зыряновой, но учитывая ее молодость и напор, думаю, капелька здравого смысла в ее рассуждениях есть. К тому же, Кондратьев в частных разговорах ссылаясь на племянника, но этим направлением всерьез никто не занимался. Через три дня государственная комиссия закроет это дело, и оно уйдет в архив. И тогда пиши: «пропало». А интуиция Натальи Павловны подсказывает, – подмигнул Борисов Зыряновой, – не все было испробовано. Таким образом, учитывая все обстоятельства и приняв к сведению доводы молодого и энергичного руководителя службы, разрешаю за оставшиеся три дня поработать с Юрием Петровичем Лукьяновым. Вот, собственно, чем и объясняется вся спешка и ваше здесь присутствие, товарищ майор. А учитывая тот факт, что полковник Зырянова приняла дела совсем недавно, то, может быть, вам, как «новичкам», повезет.

«Новички» переглянулись.

– Наталья Павловна! Готовьте командировку Павлу Васильевичу. Пусть он сегодня же вылетает на место проведения операции. А задачу вы ему сами поставите в рабочем порядке.

– Слушаюсь, товарищ генерал! Все готово, нужна только ваша подпись.

– Павел Васильевич, – проговорил генерал Борисов, подписывая документы, – вы переходите в оперативное подчинение полковнику Зыряновой. Немедленно приступайте к выполнению своих обязанностей. Напоминаю: срок вам до вторника.

Глава 4

Южный Урал. Апрель 1944 года

– Все. Сворачиваемся, – громко скомандовал сержант Валенда и сплюнул на темный снег.
– Пяти минут не прошло, – упорствовал Кондратьев. – Еще три осталось.
– Вот как поднимусь наверх, три минуты и пройдет. Все собрать – и на маршрут. Вопросы есть?

– Никак нет! Вопросов нет! – отвечал нарочито бодро Кондратьев. – Есть все собрать – и на маршрут!

– Мне надо кое-что тебе сказать, – тихо и быстро проговорил он, толкая в бок Шилова. – У меня просто чудеса!

Иван Данилович кивнул и с тоской посмотрел на широкую спину охранника.

– А у меня ни черта не выходит, запросто могут саботажником сделать, – вздохнул он.

– Да, брось, ты, Ванька, не бойся. Слушай: очень важно! В среду вечером Петров меня предупредил, если я не предоставлю убедительные результаты по варианту «сигма», моя песенка спета! Я всю ночь гонял этот чертов внешний контур усиления. Аж, рация задымилась, но ничего не вышло.

– А ты знаешь про Шустрого? – тихо и невпопад продолжал Шилов, – говорят, его сюда сам Берия назначил, потому что Марк Глебович – настоящий изверг, каких свет не видывал. А внешность интеллигентная: в костюмчике, в очках на носу, и с белым платочком! В своем подвале Марк Глебович заключенных подвешивает за руки к потолку и лично разводит костер под голыми ногами! У них это называется: «коптить мясо». Там даже вытяжка есть специальная, как у камина. Этому искусству он обучился еще в Гражданскую, в Ростове...

– Иван, хватит! И так тошно! – Кондратьев тряхнул Шилова за плечо. – Может, не сегодня-завтра и меня поджарят? И что тогда? Слушай и не перебивай. У меня с этой схемой тоже ничего не выходило, будь она неладна. И чтобы хоть за что-то зацепиться, я сдуру показал Петрову один фокус. Если не знать, что это просто погрешность прибора, можно подумать, что емкость увеличивается. И назвал эту хохму «вариант сигма», но Петрова предупредил – никому, ни слова.

– Лучше бы ты этого не делал – с Петровым шуточки плохи, – выдохнул морозный воздух Шилов.

– Да, я уж и сам понял, что зря показал. Этот дуралей Петров принял все за чистую монету и доложил Шустрому. Что, дескать, есть обнадеживающие результаты. И мне сейчас велит, чтобы я для комиссии подготовил доклад по варианту «сигма». Ну, не дурак ли?

– Это конец, Дима, – побледнел Шилов. – Они тебя раскусят в два счета.

– Да слушай ты дальше, – разозлился на друга Кондратьев. – Делай вид: складываешь инструмент, а то крикнет!

Шилов с трудом отлепился от теплой сосны и стал увязывать лопату и лом серой веревкой.

Сержант Валенда кормил синиц хлебными крошками и, казалось, забыл о существовании Шилова и Кондратьева.

– Так вот, – насыпал руками холодный перегой в ведро Кондратьев, – я вчера опять гонял аппаратуру всю ночь: все, что мог, перепробовал! Ничего не выходит: куда-то делась эта чертова погрешность! И затосковал я, хоть плачь. Прилег, но уснуть не могу, ворочался, ворочался. Только и думаю: конец, тебе пришел, товарищ Кондратьев. Но все же, похоже, задремал, потому как привиделась мне моя мама. Она у меня, слава Богу, еще до войны умерла. Уж лет пять, как нет. И мама меня вдруг строго спрашивает: «Ты почему картину не нарисовал, сынок? Тебя же Валя просила нарисовать ей картину. Рисуй быстро!»

– И что? – заинтересовался, наконец, Шилов.

– Я отвечаю во сне: «Мам, какую картину?»

А она кивает в угол комнаты. Смотрю, а там, на столе фотография Лукьяновой.

– Вальки что ли? Нашего комсорга на потоке? – встрепенулся Шилов, – у тебя же с ней был роман?

– Да, она комсоргом была, а на последнем курсе мы даже встречаться стали, но потом меня взяли, все и кончилось. И тут я во сне вспоминаю, что как-то мы шли по набережной, и Валентина говорит: «Смотри – какой закат! А ты сможешь такой нарисовать?». А я один раз в жизни в школе еще нарисовал коричневое дерево. Мне тогда тройку поставили. Ну, не было никакого интереса к живописи! А небо тогда и вправду огнем горело! И вот Валентина во сне прямо на фотографии открывает рот и говорит: «Коля! Нарисуй, пожалуйста, картину! Петр Осипович, брат мой родной, в беду попал. Надо срочно картину нарисовать – помочь ему. Ну, пожалуйста!».

– Дурак спит, дурное снится, – обидно прокомментировал Шилов.

Николай Иванович не обратил внимания на реплику и продолжал:

– И тут-то я проснулся окончательно: за окном ветер воев, и ночь черная, холодом по полу несет. Я настольную лампу зажег, сижу на кровати и вспоминаю сон. Какой брат, думаю, какая картина? Приснится же такое? И тут меня, словно электрическим током прошило, меня же мама во сне попросила помочь Валентине и ее брату.

– Ну и ну, – ухмыльнулся Иван Данилович, поднося руку к голове, – во дает!

– Да погоди ты крутить у виска, – внимательно посмотрел на охранника Кондратьев. – Сон как рукой сняло. Я вскочил, оделся и стал по комнате «круги нарезать». Надо, думаю, рисовать, но, как и на чем? И тут же вспомнил, что в одном опыте требовались красители, и я выписал со склада масляные краски. Четыре тубы: синюю, желтую, красную и белила! Аж, спина вспотела от радости! А в номере-то, холод собачий! Быстро нашел коробку с красками, там же и флейц. Кисть такая широкая. И соображаю, на чем рисовать?

– На стенке, где ж еще? – подсказал Шилов, – все зэки на стенках царапают.

– Хотел на стене. Но вдруг меня осенило: у моего деда был сундучок, с которым он все моря проплавал. Открываешь крышку, а на ней изнутри нарисован пейзаж наш, уральский: озеро, горы и чайки. Я, когда был маленький, очень любил это искусство разглядывать, а дед мне сказки рассказывал про моря и океаны. Я тут же из казенного чемодана все вытряхнул, крышку изнутри почистил и покрыл белилами. Часа через три, когда краска немного подсохла, я сел напротив чемодана и взял в руки кисть, хотя за окном уже рассвело: скоро построение.

– Ну? – заинтересовался, наконец, Шилов.

– Вот тебе и ну! Что рисовать, не знаю! И, главное, не умею, хоть плачь! И стал я тогда от бессилия и безысходности просто круги красками вычерчивать: сначала стронциановой желтой, потом кадмием красным светлым прошелся. Потом взял, да и оттенил все эти красно-желтые круги синей берлинской лазурью...

– Берлинской? – насторожился Шилов, переключившись в очередной раз лом и лопату.

– Лазурь берлинская, – пояснил Николай Иванович, – это краска так называется, на этикетке написано. Цвет – закачаешься! Как мартовское небо – бездонное и синее-синее. И, знаешь, кругляшки мои ожили и стали походить на планеты. Ну, думаю, дело пошло! Хоть на что-то стало похоже. И тут я уже вошел в азарт – не остановить; орудую флейцем, как штыком: подмазываю краску и стираю, подмазываю и стираю. Прямо, как Моне на пленэре: руки только и мелькают. Еще немножко подмазал, на завтрак сходил. Глядь, да это уже не планеты, а настоящие яблоки висят! В пространстве! Так, думаю, теперь главное не упустить и довести начатое дело до логического конца. И, знаешь, с перерывами, то на построение, завтрак и тэ дэ, к обеду у меня вышло подобие леса или сада, где есть деревья, корни, листья, трава и какие-то округлые плоды. Только пропорции нарушены, ну, как будто бы в другом, неземном измере-

нии. И в зеленовато-темных тонах. Но что там точно изображено, сказать трудно: настоящий ребус получился.

Валенда, закончив кормить синиц, посмотрел на зарождавшийся закат и скомандовал:
– Наверх с носилками и инвентарем, шагом марш!

Николай Иванович вывалил последнее ведро с ароматной землей, и заключенные спец-объекта «Санаторий» направились с носилками к лестнице. Кондратьев продолжил повествование, выдавая синтагмы в спину Шилову:

– Смотрел я, смотрел на свое художество, и почудилось мне, Ваня, что если я сумею разгадать этот ребус, то мне удастся выпутаться из этого кошмара! И что вся моя дальнейшая жизнь зависит от того, найду я разгадку или нет! И давай я свою картину разглядывать со всех сторон: то так поверну, то эдак. То света маловато, то, наоборот, отсвечивает. Надо, думаю, настольной лампой подсветить. Поставил чемодан с картиной на стол и случайно вместо лампы включил электромагнитную катушку Теслы!

– Шевелись! – послышалось сверху. – Шире шаг!

Иван Даниловичу вздрогнул от скрипучего голоса и повернул голову:

– Теслы?

– Ну да, катушку Николо Теслы! Я сам ее намотал, по памяти. И тут такое началось! Непонятный фиолетовый туман пополз из картины!

– Выходит, «...и случай, бог изобретатель»? – продолжал иронизировать Шилов.

– Да, случай, и не говори, – натужно зашептал Кондратьев, нетерпеливо толкая носилками Шилова. – А сегодня ночью я ее в приемный контур рации включил!

– Кого ее? – переспросил Шилов.

– Картину с катушкой! И таких результатов напринимал на телеграфную ленту! Шпарят открытым текстом, без шифра! Просто закачаешься! И новости эти, похоже, из будущего! И про папу Римского! И стихи Джона Леннона какого-то! Тихим дождем бесконечным, Ванька! Тихим дождем бесконечным, капли – слова ниспадают! Просто закачаешься! Джа-а-а, гуру-у де-и-и-ва-а! О-м-м! Nothing's gonna change my world! Так что теперь, Иван, у меня имеются надежные данные считать неоднородность объективной. Ты о черной массе помнишь?

– Это противоречит общей теории относительности, – уныло отвечал Шилов, – и уж очень припахивает «эфиром».

– Сам ты, Ванька, припахиваешь! Это тебе никакой не «эфир», а как раз нечто противоположное. Ты, помнишь, как у Фрица сказано по этому поводу? – разошелся Кондратьев.

– У фрица? – насторожился Шилов.

– О, господи! У Фрица Цвики. Это швейцарский астроном, первым среди ученых в тридцатых годах выдвинувший гипотезу о темной или скрытой массе. Мы знакомимся с его работами.

– Да, что-то припоминаю.

– «Припоминаю», – передразнил его Николай Иванович, – так вот, у меня есть прямые подтверждения этого феномена.

Заключенные поравнялись с охранником, и он пропустил колонну с носилками вперед.

– Эта действительно недоступная нам в ощущениях субстанция не имеет ни цвета, ни запаха, но она повсюду, – продолжал не останавливаемый охранником Кондратьев. – Здесь, там и всюду, – показал он на озеро и на багровое солнце в закатных лучах. – Хорошая получилась фраза: «здесь, там и всюду». В галактиках, в межгалактическом пространстве и в нас, людях, кстати, тоже она присутствует: пронизывает и наполняет каждую клеточку, и она же нас неразрывно связывает. Эта организованная по форме, обладающая массой покоя субстанция, взаимодействует с нашей материей только посредством гра-ви-та-ци-и. Понял? Но самое главное то, что наша обычная материя всегда формируется вокруг этого невидимого скелета. Постой, Ванька, я понял! Я читал у одного древнего китайского мудреца: весь наш мир – это

мир аналогий разных уровней. Если следовать его учению, получается, это вселенское «нечто» составляет с нашей барионной материей некий симбиоз. Понимаешь?

– Пока нет, – честно признался Шилов.

– Эх, ты! А еще ученый! Где твой «полет» мысли? – негодовал Николай Иванович. – Это же, как в любом организме: ткани всегда формируются вокруг скелета. Только в нашем случае этот скелет невидим, и вот это вселенское нечто и является структурной основой всего сущего во вселенной: от галактики до планеты, от человека до паучка.

При слове «паучка», которое произнес Кондратьев, шевельнулась микроскопическая лапка малюсенького кроваво-красного существа, захваченного лопатой Шилова и перемещенного вместе с комочком перегноя на носилки. Через секунду кроваво-красный представитель отряда арахнид ожил окончательно; мгновенно сориентировался, выбрался из зимовочного мешочка и устремился к выходу из своего логовища по выстланному паутиной коридорчику.

Еще мгновение – малюсенький паучок длиной всего семь десятых миллиметра грозно выставил наружу свои ядовитые хелицеры, пристально вглядываясь четырьмя парами глаз в темнеющий воздух.

– О, слышал бы тебя сейчас Гамов! – завертел головой Шилов. – Вот он бы обрадовался! «Скелетом» всего мироздания?

– Шире шаг! – раздалось в морозном воздухе.

Сержант Василий Валенда, шагая сбоку, не останавливал нарушающих устав заключенных, а внимательно слушал диалог, по-видимому, стараясь запомнить как можно больше слов для своего вечернего доклада. Несущие носилки и инвентарь прибавили шагу, увлекая в неведомое малюсенького кроваво-красного паучка. Заключенные прибавили ходу, и Кондратьев, искоса поглядывая на конвойного, продолжил:

– Слушай, я назвал этот феномен «лабиринтом». Само понятие – «лабиринт», как никакое другое, отражает суть явления. Только это не обычный лабиринт, где легко заблудиться, а как раз противоположное. Благодаря этому явлению происходит глобальное перемещение материи, энергии и излучений всех уровней из точки «а» в точку «б». А процессы, происходящие в Лабиринте, описываются принципом конической лабиринтности сточками бифуркации.

– Когда же ты успел слепить свою теорию, а? И где этот лабиринт? Ты можешь пояснить, хотя бы как он выглядит? – нахмурился Шилов.

– Хм, вопрос наисложнейший, – отвечал в темноту Кондратьев. – Представь себе коралловый риф.

– Представил. Но только я никогда не был на коралловом рифе, – улыбнулся в темноту Шилов.

– Я тоже не был, – вставил заинтересованный сержант Валенда. – Давай, рассказывай дальше.

– Для образования кораллового рифа необходимо несколько условий: определенная глубина, температура, чистота воды, но все это опускаем. Для нас важно, чтобы коралловая икра могла выбрать удобное место, закрепиться и развиваться. Это хоть понятно?

– Понятно, – кивнул Шилов.

– Так, значит, какой отсюда следует вывод?

– Вывод? – оглянулся Шилов.

– Без каменной гряды нет развития, – подсказал сержант Валенда с автоматом «ППШ» наперевес.

– Молодец, Василий Петрович! Именно без этой глобальной «гряды» нет развития барионной материи. Это и есть те самые зародыши неоднородности! Таким образом, Ваня, Вселенная – это некий «лабиринт», подобный трехмерной пещере с бесчисленным количеством туннелей, которые переплетены, как корни деревьев в лесу. Обычная барионная материя, двигаясь по такому туннелю, оседает на «стенках» подобного лабиринта. Таким образом, формируются,

предположим, галактики, звездные системы, подобные Солнечной, и другие космические объекты. Так что это всем «грядам – гряда». Очень непростая «гряда». Она всегда была, есть и будет. Хоть сейчас-то понимаешь?

– Да, по-моему, до меня что-то стало доходить, – вздохнул Шилов.

– До меня тоже. Стой! – бодро скомандовал сержант Валенда. – Лицом к стене!

И нажал кнопку вызова дежурного.

– Василий Петрович, – обратился учтиво Кондратьев к охраннику, – и все равно доложишь?

– Конечно, – и, подражая Николаю Ивановичу, Валенда неожиданно продекламировал сиплым голосом, – «и случайно вместо лампы включил соленоид!».

Кондратьев остолбенел и перестал дышать.

Валенда помолчал секунд пятнадцать и продолжил: «Тихим дождем бесконечным, капли-слова ниспадают! Просто закачаешься. Джа-а-а, гуру-и де-и-и-ва-а! О-о-м-м! Nothing's gonna change my world, Ваня! Представляешь! комната наполняется фиолетовым туманом».

– Я понял, Ваня, – Николай Иванович горячо зашептал в ухо Шилову.

– Вот так вот, ребята! – сержант Валенда поставил автомат на предохранитель, – проходите, чего встали?

– Ванька! я нарисовал Лабиринт!

Глава 5

Суббота, 17 июля 1999 года. Уральск

В этот день Юрий Петрович Лукьянов был приглашен к своим родителям на обед.

Необходимо пояснить, что в сорок один год Юрий Петрович остался без жены и без квартиры, потому что не далее как полгода назад был изгнан с площади совместного проживания на улицу. Чуть не умерев от горя в суде при разводе, Юрий Петрович стал вести уединенный образ жизни, полный тоски и печали, продолжая до недавнего времени преподавать физику и астрономию в одной из школ города Уральска и проживая «на птичьих правах» в пустующей теткиной квартире. Но три недели тому назад Лукьянов неожиданно для многих уволился и засобирался в Москву к своей старшей сестре – Ольге, проживающей в столице с семьей уже лет десять. Родители, как водится, узнали о решении Юрия Петровича последними.

Итак, утром в субботу Юрию Петровичу позвонил его отец – Петр Осипович и, сообщив о смерти их родственника, пригласил пообедать вместе и помянуть Николая Ивановича.

– Мам, спасибо. Ничего больше не надо! Я и так уже объелся, – Юрий Петрович восседал в центре маленькой кухни за обеденным столом, покрытым истертой клеенкой.

– Да ешь, не стесняйся, – приговаривала Зоя Федоровна, пытавшаяся против желания сына подлить ему борща. – А то может, вы с отцом еще по рюмочке? Еще раз помянете Николая? Или еще пельменей? Как тебе – понравились? Вчера с отцом налепили – настоящие, мясные! Фарш сами накрутили!

– Мам, да не могу я уже есть, и пить больше не буду в такую жару, – отдувался Юрий Петрович. – Только чая выпью. Потом. А то отяжелел, а мне еще собираться.

– Да. Правильно – не пей. Не надо больше, – согласилась Зоя Федоровна. Покачав головой, тихо, но настойчиво начала опрос:

– И чего ты забыл в этой Москве? Зачем тебя понесло туда на старости лет? И как тебе только в голову взбрело уволиться из школы? У тебя же ученики, выпускники!

Юрий Петрович никак не реагировал на эти в высшей степени справедливые вопросы.

– Когда у тебя поезд?

– Сегодня. В двадцать три тридцать местного. Я договорился – меня отвезут, – торопливо отвечал Юрий Петрович. – Мам, ну как? С чемоданом-то, решили?

– С этим чемоданом, – перешла почему-то на шепот Зоя Федоровна, – как говорится, сплошная мистика.

Юрий Петрович насторожился и стал весь внимание.

– Ты же знаешь, – продолжала шептать Зоя Федоровна, – отец этот чемодан ни разу в жизни не открывал. Хотя и ключ был – один на два замка.

– Да, да, я помню, – кивал Юрий Петрович.

Чемодан всегда лежал на верхней антресоли, и Юрию Петровичу с самого детства хотелось узнать, что в нем находится. Но чемодан был объявлен неприкосновенным, и его содержимое по сей день оставалось тайной для семьи Лукьяновых. А чемодан этот был очень приличный даже по современным меркам – полностью кожаный, с металлическими уголками, с двумя ремнями и двумя замками. На крышке чемодана имелся тисненый вензель «NT» из переплетенных латинских букв. И каждую неделю из года в год чемодан протирали от пыли.

Когда Юра стал старше, эта «почетная обязанность» по удалению пыли перешла к нему, и каждый раз, поднимая этот таинственный во всех отношениях предмет, Юра отмечал призывную тяжесть, а его воображение рисовало хоть небольшое, но сокровище. На Петра Осиповича никакие провокационные разговоры: «Пап, а давай посмотрим, что там внутри» не действовали. Ответ всегда был один: «Нет».

– И вот, после нашего с тобой разговора, – продолжала Зоя Федоровна шепотом, – я думала, что теперь точно уговорю отца дать тебе этот чемодан для поездки в Москву, но он опять уперся и, ни в какую. Даже слушать не захотел, только заладил свое, – «я слово дал Николаю: хранить чемодан и не открывать!». А рано утром звонит Валентина и сообщает: Николай умер в больнице. Ты же знаешь, Николай Иванович сильно болел после всех этих лагерей. Последние лет десять был прикован к инвалидному креслу.

– Да, – вздохнул Юрий Петрович, – жаль, что так и не увиделись. Я помню, последний раз видел его лет восемь тому назад – на седьмое ноября – они нас пригласили. Дядя Коля еще пел под гитару.

– Давно это было, – продолжала шептать Зоя Федоровна. – Хороший был человек. Жалко, что в последнее время мало виделись: у всех свои проблемы. Кажется, что еще успеем, встретимся, поговорим. А Кондратьевы как уехали в Волгоград к дочери семь лет тому назад, так мы больше Николая и не видели. Так, что прости уж нас, Николай Иванович, и вечная тебе память.

– Прости и меня, Николай Иванович и вечная память, – тихо проговорил Юрий Петрович.

– Так вот, после этого разговора, – продолжала Зоя Федоровна, – отец вдруг стал что-то искать. Я спрашиваю: «Что потерял?». Молчит. Ходил битый час по всей квартире. Потом говорит: «...точно помню, что ключ был здесь и показывает мне шкатулку. А теперь его тут нет?»

«Не знаю, – отвечаю, – ты этот ключ сам прятал. От всех. Так что ищи».

А тут снова телефонный звонок. Мы аж, подскочили. Думаем, не дай Бог, что еще случилось. Опять звонит Валентина и говорит отцу: «Ты почему не хочешь отдать чемодан Юрию?». Отец покраснел весь и отвечает: «Не могу ключ найти, а замки ломать не хочу». А Валентина ему: «Коля перед смертью велел тебе сказать, чтобы ты отдал чемодан Юрию. И сказал, что ключ лежит в коробке под часами».

– И что? – также перешел на шепот Юрий Петрович, – нашли ключ?

– Да, сразу нашли ключ в коробке под золотыми часами твоей покойной бабушки.

– Понятно, – прошептал Юрий Петрович. – А что там – в чемодане?

– Мы его не открывали, сынок, – перешла на нормальный тон Зоя Федоровна. – Валентина сказала, чтобы чемодан отдали тебе. И все. Ключ у отца. Иди – он тебя ждет. Да, чуть не забыла, – спохватилась Зоя Федоровна, – звонила Юля. Юля Подгорная. Она тебя найти не может.

– Звонила из Екатеринбурга? – уточнил Юрий Петрович.

– Нет. Она в Уральске. Сказала: давно развелась, вернулась, и что они живут с сыном у мамы. Это совсем рядом с тобой – Социалистическая, восемь, по-моему. Я записала и адрес, и телефон. Вот, возьми, – подала Зоя Федоровна лист бумаги. – Юля просила, чтобы ты позвонил. Хотела повстречаться с тобой.

– Да, давненько мы не виделись, – проявил интерес Лукьянов, – года три, а может, больше. Значит, она с Игнатом развелась?

– Да, развелась, – подтвердила Зоя Федоровна.

– Понятно. Социалистическая восемь, – спрятал записку в карман Юрий Петрович. – Позвоню как-нибудь.

– Как же ты Юльку тогда не отстоял? Какая бы пара была, – вздохнула Зоя Федоровна. – Этот ваш Игнат как медведь, на нее набросился и увел ее у тебя из-под носа. Откуда он только взялся?

– Мам, ну хватит уже, – пресек очередную попытку вспомнить былое Юрий Петрович.

– И чего тебя понесло в эту Москву? – опять вздохнула Зоя Федоровна.

– Мам, ну хватит уже...

– Ты где там застрял? – слышался громкий голос Петра Осиповича из комнаты. – Я тебя уже заждался.

– Ладно, иди к отцу, – промолвила Зоя Федоровна, – а то он ждет тебя с самого утра.

– Иду, пап, – подал голос Юрий Петрович, напоследок оборачиваясь к матери, – спасибо большое. На целую неделю наелся, – попробовал он шутить.

С отцом разговор был не таким легким.

– Садись, – скомандовал Петр Осипович и прикрыл дверь комнаты, – мне надо с тобой потолковать. У тебя есть время?

– Конечно, пап, – откинулся на спинку старого дивана Юрий Петрович, – для тебя время есть.

– Так вот, – начал осторожно Петр Осипович, – сегодня утром из Москвы позвонила Валентина и сообщила, что Николай Иванович скончался этой ночью.

– Прими мои соболезнования, – проговорил расстроенный Юрий Петрович.

– Мать тебе рассказала про ключ?

– Да.

– Что скажешь?

– Просто фантастика! – отозвался Юрий Петрович, – не знаю, что и думать.

– И я так подумал, – посмотрел задумчиво перед собой Петр Осипович. – Вот чемодан! Забирай! – кивнул он в сторону шкафа.

Чемодан лежал на журнальном столике.

– Получается, ты его ни разу не открывал? – изумился Юрий Петрович. – И не знаешь, что там находится. Вот это выдержка!

– А зачем? – отвечал Петр Осипович, – мне его на хранение оставили. Чужого мне не надо. И Николай меня лично просил хранить его, как зеницу ока. Зачем я буду там лазить? А раз Коля велел тебе его отдать, то получается, все, что там лежит, принадлежит уже тебе.

– Понятно, – улыбнулся Юрий Петрович. – Получать подарки всегда приятно! Тем более антикварные! Может, там такое наследство, что поможет нам всем?

– Может, и поможет, – отозвался Петр Осипович.

– А это что такое? – Юрий Петрович увидев на шкафу футляр.

– Это твоя скрипка, – отвечал Петр Осипович. – Помнишь? Ты почти три года проучился и бросил. Не хватило настойчивости и характера.

Юрий Петрович поднял крышку и взял в руки старенькую скрипку-восьмушку. Скрипка была пыльная и теплая на ощупь.

– Я нашел ее сегодня утром, когда ходил за картошкой, – пояснил Петр Осипович. – Думаю, чего ей гнить в подвале? Пусть будет предметом интерьера. Со скрипкой все в порядке, смычок – сломанный. И еще пакет какой-то. Думал, что в пакетике канифоль – посмотрел, а в нем – кусок каменного угля. Хотел выбросить, но мать не разрешила, пусть, говорит, сам выбросит, если что...

– Смычок я сломал. От злости. Не смог сыграть с листа какое-то аллегretto. Вот и сломал, – улыбнулся отцу Юрий Петрович, прижимая теплую деку к подбородку. – Я тоже думал – выучусь и стану знаменитым музыкантом.

Глава 6

Суббота, 17 июля 1999 года. Москва

- Товарищ полковник, разрешите войти?
- Да, Павел Васильевич, проходите, – подняла голову Наталья Павловна. – Как устроились?
- Спасибо за заботу, – пророкотал майор Валенда, – кабинет отличный – прямо так и тянет работать на полную. Собственный телефон, компьютер, принтер, сканер. Все функционирует. У вас, Наталья Павловна, есть минут пять меня выслушать?
- Да, именно пять минут, Павел Васильевич, – отодвинула в сторону папку Зырянова. – Давайте так поступим. Чтобы не нарушать ритм и график, вы сейчас знакомитесь с материалами, а в десять тридцать проведем короткое совещание, и я выскажу все свои соображения.
- Да, я понял, но у меня всего два слова.
- Хорошо, что там у вас? – согласилась Наталья Павловна и тут же задала встречный вопрос. – Кстати, чемодан вручили? Наблюдение установили?
- Так точно. Чемодан вручили. Наблюдение установили, – доложил Павел Васильевич. – Объект под контролем – обедает у родителей.
- Я слушаю вас, Павел Васильевич, только коротко.
- Постараюсь быть кратким, товарищ полковник. Я сразу приступил к выполнению порученного задания и начал изучать папку под номером один. Читал очень внимательно. Насколько я понял, все эти документы – копии?
- Да, – подтвердила Зырянова. – Оригиналы находятся в чемодане, который в данный момент у Лукьянова.
- Понятно. Просматривая документы, я заинтересовался вот этой телеграммой, – Павел Васильевич положил копию на стол.
- Да, эту телеграмму я помню, – прищурилась Зырянова, – по-моему, кто-то пытался предсказать будущее. Там же есть резолюция.
- Да, резолюцию я видел. Во-первых, обратил внимание на то, что предсказания смерти – сам по себе факт уже неординарный! – продолжал Валенда. – Во-вторых, время смерти Андрея Ивановича Зорина выдается в ю ти си¹ – в семнадцать часов тридцать две минуты тридцать секунд. Это вместо «устаревшего» Гринвича.
- Догадываюсь, что вместо Гринвича, – нетерпеливо передернула плечами полковник Зырянова.
- У меня еще три минуты, – напомнил, улыбаясь, Валенда, – Я назвал две позиции. Но есть и третья: в одной из папок я обнаружил подборку об американской лунной миссии «Ахиллес» под номером одиннадцать.
- Да, это входило в круг обязанностей предшественника. И что же?
- Вот, послушайте, – Валенда достал из папки листок и прочитал:
- Восемнадцатого июля 1969 года «Ахиллес-11» прибыл к Луне и в семнадцать часов 32 минуты и тридцать секунд по ют и си вышел на орбиту искусственного спутника...
- И что из этого следует? – включила ледяной тембр полковник Зырянова. – По-моему, это случайное совпадение.
- Но сбить с толку настойчивого майора проверенным «ледяным приемом» не удалось.

¹ UTC (ю ти си) – Universal Time Coordinated. Всемирное координированное время – стандарт, по которому общество регулирует часы и время. UTC было введено вместо устаревшего среднего времени по Гринвичу (GMT). Новая шкала времени UTC была введена, поскольку шкала GMT является неравномерной шкалой и связана с суточным вращением Земли. Шкала UTC основана на равномерной шкале атомного времени (TAI) и является более удобной для гражданского использования.

– Если совпадение, то очень подозрительное, – поднялся из-за стола Валенда. – Дело в том, что завтра как раз и есть восемнадцатое июля 1999 года. И еще одно: указанное в этой телеграмме время странным образом совпадает с декларируемым американцами временем прибытия одиннадцатого Ахиллеса на лунную орбиту – до секунды!

– Павел Васильевич – время! – вернула папку на прежнее место полковник Зырянова. – Вы же не знаете самого главного: кто этот Зорин, и где его искать?

И четвертое обстоятельство, – продолжал ровным голосом Валенда. – Я знаю Зорина, который родился восемнадцатого июля пятьдесят восьмого года. Это наш с Лукьяновым одноклассник.

– Откуда такая уверенность? Давайте в десять тридцать поговорим обстоятельно.

– Хорошо, – направился к двери Валенда. – Я буду у вас ровно в десять тридцать.

– Да, кстати, Павел Васильевич, – окликнула его Наталья Павловна. – А как вы относитесь к американской лунной программе?

– Честно?

– Конечно, честно. У нас тут только честно.

– Отрицательно, – остановился у двери Павел Васильевич. – У американцев не было ракетного двигателя с заявленной мощностью, чтобы вывести на опорную орбиту лунный комплекс «Плутон-Ахиллес». Тяжелая ракета «Плутон-5» – блеф. Комплекс «Плутон-Ахиллес» взлетал, но с двигателями меньшей мощности. Отсюда следует, что на низкую околоземную орбиту было выведено не сто сорок требуемых тонн, а гораздо меньше. И это означает, что никакого полета «Ахиллеса» к Луне не могло состояться.

– Понятно, – улыбнулась Зырянова. – Но ваша позиция противоречит официальной версии.

– Принял к сведению, – ничуть не смутился Валенда. – Но я свою точку зрения менять не собираюсь.

– Значит, вы уверены, что этот Зорин, указанный в телеграмме, является вашим одноклассником?

– Да, товарищ полковник, уверен! Мы учились вместе: я, Андрей Зорин и Юрка Лукьянов. У нас даже был свой вокально-инструментальный ансамбль.

Глава 7

Южный Урал. Шестидесятые

Юра Лукьянов с самого раннего детства интересовался музыкой. Музыка вошла в жизнь Юры вместе с радиоприемником «Урал», способным также воспроизводить грампластинки на семьдесят восемь оборотов, и музыкальными фразами песни «Спят курганы темные», которую отец напевал почти каждый вечер, укачивая сына. И старой клееной – переклеенной скрипкой, на которой никто не умел играть, а Петр Осипович хоть и умел когда-то, но после войны уже не смог играть, потому что левая рука не слушалась по причине тяжелой фронтовой контузии.

Как только Юра начал ходить, Петр Осипович обеспечил ему доступ к радиоприемнику и научил сына проигрывать эти тяжелые и хрупкие пластинки. Благо, магазин по их продаже был за углом, и назывался он: «Культтовары».

В минуты хорошего настроения и с утра пораньше маленький Юра подходил к проигрывателю, доставал из коробок любимые пластинки и надолго погружался в кропотливый процесс воспроизведения: необходимо было поменять иглу, затем аккуратно протереть пластинку, запустить диск и осторожно опустить адаптер. После этого последнего действия Юра замирал и «ловил» знакомый скрип, указывающий на то, что иголка скользит по правильной дорожке, и что через несколько мгновений из репродуктора вырвутся звуки гитарного вступления мексиканского трио Лос Панчос. В те далекие дни музыкальные пристрастия Юры Лукьянова сформировались в соответствии с репертуаром имевшихся в домашней коллекции пластинок и музыкальных радиопередач. В основном это были песенные произведения. Юра искренне восхищался песней «Тайна» в исполнении оркестра Леонида Утесова, заунывные звуки скрипок которой «трогали» его детскую душу. А песню «Бесамэ мучо» с бойкими заокеанскими рифмами маленький Юра готов был воспроизводить до бесконечности, доводя домашних до определенной точки.

Сама идея, что Юра должен обучаться музыке по мере его взросления даже не обсуждалась: Петр Осипович до войны довольно сносно играл на семиструнной гитаре и даже скрипке, но после контузии пальцы левой руки перестали слушаться, и все музыкальные надежды были возложены на Юру, который помимо имени получил звание – сын танкиста со всеми вытекающими обязательствами. Все только и ждали того момента, когда он будет способен уверенно ходить и начнет осваивать музыкальную науку. Тем более, старшая сестра Ольга уже всю «шпарила» на фортепьяно и занималась этим три раза в неделю в музыкальной школе.

Так что музыкальное будущее Юры было предопределено, и главное, он сам уже мыслил именно в этом направлении.

Итак, по достижению пятилетнего возраста Юра был препровожден в музыкальную школу на прослушивание.

Преподаватель Иван Иванович с сомнением посмотрел на маленького претендента и спросил:

– Кем ты собираешься стать, когда вырастешь?

– Скрипачом, – честно ответил Юра Лукьянов.

Подивившись столь уверенному ответу, Иван Иванович попросил разволновавшихся папу и маму подождать в коридоре за дверью, а сам стал смешить Юру хлопками в ладоши и проигрыванием коротких музыкальных фраз. Минут через десять Иван Иванович объявил, что у Юры есть все данные для музыкальных занятий. Главное, есть музыкальный слух, чувство ритма, реакция и сообразительность. Этого вполне достаточно для овладения скрипкой, которая, как известно, стоит на втором месте после арфы среди струнных инструментов по сложности освоения.

Но поскольку Юра был еще маловат для серьезных занятий в школе, то, учитывая несокрушимое желание Петра Осиповича, Иван Иванович предложил индивидуальные занятия в виде предварительного знакомства с инструментом и общей музыкальной практики. Решили, что занятия будут проходить в городском Драматическом Театре, расположенном рядом с домом. Иван Иванович руководил здесь местным кружком балалаечной самодеятельности. Через три дня после прослушивания Петр Осипович принес вечером бумажный шуршащий пакет, вкусно пахнущий чем-то особенным. Там оказалась маленькая скрипка.

Юра взял ее в руки и ощутил неповторимый аромат. Скрипка пахла замечательно.

– Вот, – гордо вещал Петр Осипович, – еле нашли во всем городе. Восьмушка. Ты – самый маленький скрипач.

Юра с сомнением смотрел тогда на скрипку и даже не мог себе представить, как из этого устройства извлекают такие прекрасные звуки, какие он слышал во вступлении «Вам возвращаю ваш портрет».

Потом Петр Осипович приобрел смычок с черным конским волосом, канифоль в круглой коробочке и скрипичный футляр, который пришлось изготовить индивидуально у местного умельца, поскольку таких маленьких футляров не было в продаже.

Наконец, все необходимое для обучения было приобретено – учебник для скрипки, состоящий из двух книжек – частей, а также большая нотная тетрадь с горизонтальными линейками. Футляр был укомплектован по всем правилам: скрипка занимала почетное центральное место, под крышку, где находился специальный держатель, помещался смычок, а в верхней части футляра открывалось место под крышкой для канифоли.

Вся внутренняя поверхность футляра была обита мягкой темной тканью, чтобы не поцарапать инструмент. Ручка футляра была сделана из толстой брезентовой ленты, а сам футляр был обит светло-коричневым дерматином. Словом, это был замечательный футляр.

Юра Лукьянов не стал откладывать учебу в долгий ящик и приступил к ней в ближайшую же неделю. Занятия должны были проходить в кружке баянистов, расположенном в помещении бомбоубежища с тяжелой металлической дверью и с огромными ручками замков, окрашенными в светло-коричневый цвет. Вся внутренность подвала скудно освещалась лампочками в проволочных сетках, а стены были задрапированы черной, зловещей тканью...

Но особого восторга после первых занятий Юра не испытал. Оказалось, ему больше нравилось слушать, нежели самому воспроизводить звуки на скрипке: дело это было довольно сложное, и Юра только и ждал того момента, когда в очередной раз недовольный его игрой Иван Иванович возьмет у него скрипку, моментально подстроит струны и скажет: «Смотри, как надо играть эту фразу».

Помещение бомбоубежища наполнялось чарующими звуками, а сердце Юры в эти мгновения замирало. Оно почти переставало биться. «Неужели и я так смогу?» – задавал мысленно он себе вопрос, но особых успехов не демонстрировал. Отец, пытаясь подбодрить маленького скрипача, читал ему вслух книгу Виноградова «Осуждение Паганини», но книга произвела обратный эффект: маленький Юра решил – для того, чтобы играть на скрипке, необходимо обладать не меньшим талантом, чем Паганини, и ко второму классу интерес к освоению инструмента был окончательно потерян.

Родители повздыхали, но смирились. Больше тема освоения Юрой музыкальных инструментов не обсуждалась, хотя семья продолжала оставаться музыкальной: папа и мама с удовольствием пели под фортепианный аккомпанемент сестры. В праздники приходили немногочисленные, но талантливые родственники, которые под руководством Николая Ивановича пели романсы и другие хорошие песни. И фраза «Соколовского гитара до сих пор в ушах звенит» надолго засела в голове Юры.

Но годы шли, певческая компания распалась: кто умер, а кто переехал. Казалось, ничто не сможет вернуть интерес Юры к исполнительскому искусству, но однажды, гуляя во дворе

и совсем чуть-чуть безобразничая у весеннего ручья, друзья были обруганы злой старушкой, которая, в числе прочего, назвала их «битлами». Третьеклассника Юру тогда поразило само звукосочетание: «битлы», прозвучавшее из уст старушки заманчиво и призывно. Осведомившись у друзей, что означает сие ругательство, Юра узнал, что это слово иностранное, но что оно означает, никто толком не знал, и только Тимошкин вспомнил, что его двоюродная сестра – Юлька что-то пыталась ему объяснить, но он ничего не понял, хотя помнил, что обязательно у них были гитары и барабаны. Вот и все.

– Эх ты, балда! – в сердцах сказал тогда Лукьянов, – запомнить толком ничего не можешь!

– По-моему, Юлька говорила: видела их фотографию – тут же вспомнил обидевшийся Тимошкин.

– Чью фотографию?

– Ну, этих битлов, – пояснил Тимошкин.

– Так значит, «битлы» – это люди? – стало доходить до третьеклассника-Лукьянова. – И они сфотографированы?

– Конечно, сфотографированы! – воспрянул духом отруганный Тимошкин. – Эта фотка есть у кого-то у нас во дворе. Юлька знает.

Юра навсегда запомнил эту фотографию. Хозяин запретил брать ее в руки, и она оставалась во время «сеанса просмотра» за стеклом шкафа с книгами. На переднем плане фото размещалась ударная установка с тремя гитарами. Юра сразу отметил гитару в форме скрипки, которая стояла справа, вторая гитара стояла перевернутой, а третья лежала на рабочем барабане. На втором плане находились какие-то молодые люди в белых рубашках и с длинными челками. На животе одного из них было написано чернилами: «Пауль». Владелец фотографии утверждал, что это и есть «битлз».

– Кто же это, по-вашему? – ответил он вопросом на робкий запрос Юры о доказательствах. – Посмотрели? А теперь дуйте по домам.

С этого момента Юра, как разведчик в тылу противника, стал по крупницам собирать разрозненные и противоречивые сведения о данном музыкальном феномене. И хотя это занятие захватило увлекающегося Юру уже в начале четвертого класса, оно, однако, не помешало ему хорошо учиться, посещать клуб юного техника, строить модели самолетов и кораблей, заниматься спортом, в частности, футболом. А любимыми предметами в школе, помимо математики и физики, впоследствии стали астрономия и биология. Однако, несмотря на все старания, Юре до конца четвертого класса не удалось узнать, как, собственно, звучат битлы: магнитофона в семье не было, а у тех, у кого был магнитофон, не было нужных записей.

Как это часто бывает в жизни, все произошло случайно: Юра сохранил детскую привычку слушать грампластинки, а Петр Осипович к тому времени активно использовал систему «Посылторг», и семья почти каждый месяц заполняла заказ и получала на почте коробки с грампластинками и книгами. В очередной раз была доставлена пластинка серии «Музыкальный калейдоскоп». На пластинке, помимо Фрэнка Синатры с дочерью Нэнси, содержался трэк под названием «Девушка» в исполнении английского вокально-инструментального ансамбля без названия и также указывалось, что музыка и слова этой песни являются народными.

Юра сразу обратил внимание на необычную композицию, но только несколько дней спустя подруга сестры, прослушивая эту пластинку, уверенно произнесла: «это Битлз». Юра чуть не подпрыгнул от восторга: да, именно так и никак иначе должны были звучать «Битлз»! И почему он сам не догадался, что это они!?

Юра стал слушать эту песню регулярно, но никак не мог наслушаться: песня не надоедала и казалась очень знакомой; как будто он слышал ее давным-давно – в раннем детстве. Возникло ощущение, что он обрел, наконец, тайное, понятное и доступное только ему «сокровище». Хотя оно и было «нарезано» на обычной пластинке.

Каждый раз, прослушивая песню, Юра удивлялся всему: необычному началу, когда внезапно из «космической пустоты» врывается одинокий сильный баритон, а затем вступают все инструменты: три гитары и ударные. И еще в припеве кто-то подпевал высокими и уверенными голосами. И это было странно, потому что занятия пением, по мнению Юры, считалось не мужским делом, а тут как раз было все с точностью да наоборот. И то, как пели «битлз» высокими, звонкими голосами, завораживало и очаровывало простых советских слушателей из Уральска. А потом еще две гитары начинали дополнять друг друга, в несложной, но эффектной партии проведения.

Таких песен Юра Лукьянов еще не слышал. И ему вдруг захотелось точно так же петь и играть на чем угодно, хоть на гитаре или на барабанах. Неважно на чем, но только бы играть и петь стройным и энергичным многоголосьем. И обязательно с друзьями.

Вечером того же дня Юра договорился с Женькой Тимошкиным о создании собственной группы. И хотя у участников не было ни усиливающей аппаратуры, ни ударной установки, ни электрогитар, но присутствовало главное – неукротимое желание петь под собственный аккомпанемент и выступить перед публикой.

– Но пока мы ничего не умеем, все должно оставаться тайной. Понял, Женька? – шептал, как заговорщик, Лукьянов. – Никому ни слова, а то будут смеяться. Надо сначала научиться играть на гитарах и петь вместе, а потом уж будем давать концерты.

– Как битлы? – кивал маленький Тимошкин. – Все понял, Юрка, а может, мы на скрипках? Ты же умеешь, а я подучусь у тебя...

– Да ты что, Тимошка!? – горячился Лукьянов, – специально меня злишь! Какие скрипки? Это же совсем другое – тут главное ритм, ударные, и пение под гитару. У нас дядя Дима поет под гитару, и я у него все выведваю. Правда, у него гитара семиструнная, а у «Битлз» – шестиструнные, и еще бас-гитара в форме скрипки с четырьмя струнами. Я проверил по фотографиям. Еще надо купить звукозаписывающую аппаратуру для гитары, а он стоит шесть рублей.

– А где возьмем деньги?

– Я уже накопил два с половиной, – показал маленький кошелек Юра. – Это обеденные деньги. Теперь твоя очередь – ты этот месяц на диете! Понял, Тимоха? – Лукьянов пощупал тощий Женькин живот. – И все, что выпросишь у родителей, несешь сюда! – потряс в воздухе кошельком Юра, – может, к концу четверти и накопим.

– Хорошо, – вздохнул маленький Тимошкин, – я не буду питаться этот месяц. Но это не честно: их же – четверо, этих Битлз, а мы вдвоем будем корячиться за звукозаписывающую аппаратуру? Надо еще двух принимать.

– Хорошо, – кивнул Лукьянов. – Кого ты думаешь пригласить... но только пока одного?

– Может, Валенду или Игната? – мгновенно ответил Женька.

– Хорошо, давай тогда Валенду.

– Точно, Валенду. Он же в твоём подъезде живет. Очень удобно: спустился с пятого на второй – и уже на репетиции. Только он без обедов не сможет: здоровый такой и постоянно есть хочет, – сокрушался Тимошка, – но Валенда, конечно, лучше Игната. С этим Игнатом только и будем драться всю репетицию – он такой дикий.

– Да, – согласился Лукьянов. – А может, мы Пашке будем бутерброды приносить и подкармливать. Главное, чтобы никто не узнал, а то у Валенды мама нервная. Узнает, тогда будет нам звукозаписывающую аппаратуру. Так что завтра у меня после школы: дома никого, и мы после уроков порепетируем. И проверим этого Валенду: вроде он поет ничего. Я на пении сегодня за ним наблюдал: такой длинный, а поет тоненьким голоском. Умора!

После этой «исторической встречи» жильцы подъезда надолго потеряли покой, причем, сосед снизу – дядя Вася, страдал больше всех. Репетиции, как правило, проходили в дни, когда взрослые Лукьяновы были на работе, а сосед отсыпался после ночной смены.

Репетиция начиналась обычно часов так в двенадцать, именно в тот момент, когда на дядю Васю накатывал приятный и глубокий сон. Сначала он не мог понять, откуда происходят навязчивые, повторяющиеся звуки разной высоты. Во сне ему казалось: плачет или кричит от боли ребенок. Пробудившись в очередной раз, дядя Вася распознал направление источника звука и как был в трусах и майке, отправился разбираться. Группа, ожесточенно репетировавшая песню «Шел отряд по берегу», была напугана яростными ударами в дверь. Пение тотчас же прекратилось, а Юра на коленках пробрался к двери и через глазок разглядел нарушителя творческого процесса. Искаженный линзами «глазка», дядя Вася произвел на Юру сильное впечатление.

Репетицию решено было прекратить. Из квартиры уходили, молча и по одному.

– А что будет, когда у нас появиться ударная установка? – невинно спросил Тимошкин. – Дядя Вася точно проломит вам дверь.

– Да, – вздохнул отрастающие волосы на затылке Лукьянов, – не знаю, что будет... Надо что-нибудь придумать. А то я у папы выпрашиваю усилитель для гитары и микрофонов. Этого уровня звука дядя Вася точно не выдержит.

Старшая сестра Юры – Ольга – стала поставлять Юрию необходимую «битловскую» информацию, циркулирующую в то время в старших классах простой советской школы. Для преодоления первичного отставания, Юра старательно заучил имена ливерпульской четверки, причем, имена, имея четкий ритмический рисунок, и сами по себе были музыкальными. Ринго Старррррр – чем не барабанная дробь? «Джон Леннон – Джон Леннон» – вальс три четверти. Джордж Харррисоннн – тремоло, а Пол Маккартни – простая «эстонская» синкопа.

Накануне нового года Петр Осипович приобрел отечественный магнитофон «Комета», сестра Ольга тут же принесла пленки с альбомами «Help!», «Rubber Soul» группы «The Beatles», и репетиции подпольной бит-группы наполнились новым содержанием – сеансами звукозаписи.

Глава 8

Суббота, 17 июля 1999 года. Уральск

– Из семьи ушел, живешь, как дикарь, зарос как дикобраз, – прервал воспоминания Юрия Петровича отец, – и как тебя только в школу пускают к ученикам?

– Я сейчас в отпуске, пап, – промямлил Юрий Петрович, – но сегодня же подстригусь.

– Мать бы пожалел. Сердце у нее болит за тебя, непутевого. Хоть бы тогда звонил чаще, говорил с нами. Нам же много не надо. Все ждешь, только чего ждешь, непонятно. Ведь помрем же скоро. Будешь потом знать. Вот чего ты в этой жизни достиг? Тебе уже за сорок, а ты опять у разбитого корыта остался? – говорил отец.

Юрий Петрович положил скрипку на шкаф и только смотрел на родителя из-под ресниц.

– Я в двадцать лет уже войну закончил с тяжелейшей контузией и сразу после госпиталя стал учиться. Получил профессию и работал до самой пенсии. А ты?

– Пап, – вдруг задушевно проговорил Юрий Петрович, – а ты можешь рассказать мне про свой последний бой, когда тебя ранили?

– Меня тогда не ранило, а сильно контузило. Я же тебе рассказывал.

– Да, ты говорил, что только болванка по броне. И все. А ты можешь сказать, где это было? Когда?

– Зачем тебе это?

– Может, я своим внукам буду рассказывать, – улыбнулся Юрий Петрович, – а то спросят, а я и знать не знаю.

– Спросят? – сердито прищурился Петр Осипович. – Да, может, спросят, а может, и нет. Еще лет пять такой политики – о Великой Отечественной Войне просто забудут. Если ваше поколение хоть какое-то имеет представление: кто свой, кто чужой, то для этих наших «соотечественников» без роду и племени, для них что Сталин, что этот нацистский изверг, все едино. А эти реваншисты никак не могут успокоиться! Все хотят оспорить результаты! Устроили всем миром геноцид русского народа и думают, что русские – это источник всякого зла на Земле. Вот если бы не было русских, то сразу стало всем здорово. Поэтому долбают нашу Русь-матушку со всех сторон – только держись. Ну, ничего, – погрозил кулаком в окно Петр Осипович, – они думают, это им с рук сойдет! И все им нейдет! Никак они ответ на вопрос: кто в сорок пятом году победил, найти не могут, черти окаянные!

– Но ты сам знаешь ответ, – помрачнел Юрий Петрович, – разве этого недостаточно? Ты же знаешь правду!

– Я-то знаю, – горько усмехнулся Петр Осипович, – но это, оказывается, не главное. А главным становится ложь! Вранье! Чем оно подлее, тем больше дураков в нее верят! А эти наймиты в наших бывших союзных республиках, все пытаются чего-нибудь выискать, чтобы еще раз подвергнуть сомнению нашу победу и привлечь на свою сторону этих наших оболтусов-недоучек, – горько и громко выдавал «на-гора» боевой командир Петр Осипович.

В дверях появилась Зоя Федоровна:

– Ты что тут раскипятился? Аж, радио на кухне не слышно!

– Да, да, буду тише, – вскинул руки Петр Осипович, – у нас тут, мать, политинформация. А ты вроде как нам чай собиралась организовать?

– Все готово, остывает, – вернулась на кухню Зоя Федоровна.

– Да, я вот думаю, сколько триллионов долларов истрчено на вооружение по всему миру: в России, в Америке, – продолжил ветеран свои размышления – А если бы эти деньги, да в мирных целях – на науку, на детей! Ладно, хватит дискутировать, – отрубил Петр Осипович. – Но я все равно не понимаю, есть же еще страны, представляющие угрозу для всего мира. Почему мы всегда крайние? Взять хотя бы Отечественную войну. Весь мир спасли от «чумы»,

пострадали больше всех их вместе взятых! Сколько городов и сел было стерто с лица земли, сколько людей погибло! Лучшие люди, герои – полегли на полях и в лагерях, а им на это, – Петр Осипович опять погрозил кулаком в окно, – наплевать. Они только и ждут, когда мы ослабнем! И глумятся над нашим горем и нашей памятью. Вот они и расковыривают наши раны и получают какое-то удовольствие! Теперь еще эти бывшие союзные республики возбудились! Повывлезали эти морды со свастикой на лбах! Сплошные торгаши. За деньги готовы на все – хотите свастику, хотите серп и молот. И еще объясняют, свастика это совсем не то, что вы думаете – это такой хороший знак, только фашисты его использовали, а знак хороший.

– А мне недавно рассказал мой знакомый о блокаде Ленинграда, – продолжил ветеран, – он командовал сторожевым катером и сопровождал колонны транспорта с эвакуированными. Все повидал, но один случай, говорит, не могу забыть. Ленинградский порт. Раннее утро, осень. Идет погрузка транспорта, а мы в сопровождении. Все идет по графику. У меня вся команда смотрит в небо. А на причал заходит очередная колонна. Это дети с воспитателями и учителями. Я думаю, только бы повезло, только бы не было налета. А дети совсем маленькие: четыре, пять лет, но ведут себя по-взрослому; идут попарно, держат друг друга за руки, некоторые с флажками. У каждого за спиной маленькие вещмешки. Я как увидел эти мешочки, так сердце, говорит, сжалось. Только бы все обошлось, думаю! Но тут заныла сирена и началось. И вижу я эти кресты на крыльях, и посыпались бомбы. Все пылью и дымом заволочло. Замолотили наши зенитки, пулеметы: взрывы, крики. Налет-то отбили, одного поганца с крестами даже подбили, а детишки... почти все погибли. Я до конца дней своих буду помнить этих детей, лежащих на причале с маленькими вещмешками и флажками. И как я должен после этого относиться к свастике? К их самолетам, которые атакуют колону беженцев – женщин и детей или эшелоны с ранеными? Чем же он хорош для меня этот знак? Мы их к нам в Россию не звали с пушками и танками, и я их гусеницами своего танка давил, а теперь еще больше ненавижу, аж, зубы скрипят! В Москве, говорят, теперь можно сочинения Гитлера и прочих извергов купить. А государству, как будто бы до этого дела нет! Еще развели всякие правозащитные организации, чтобы этих недобитков защищать! А эти фашистские прихвостни из бывших республик хотят лишить нашу страну исторической памяти и отобрать нашу победу над фашизмом! И я сильно этого боюсь, потому что тогда это будет уже не Россия, а черт знает что.

– Да, нет, пап, – попробовал сопротивляться Юрий Петрович, – у нас в школе создан специальный штаб, собирают воспоминания ветеранов. Ведут с ними работу. Записывают их воспоминания. Фотографии собирают. Так что работа ведется.

– Ведется, – ворчал Петр Осипович. – Ты, меня не успокаивай, положение серьезнее, чем я думал. Мне недавно мои ветераны сказали, что выпускают такие компьютерные игры, где эти чертовы «тигры» расстреливают наши «тридцатьчетверки». И комментируют, дескать, «тигр» был сильнее наших танков. И всегда побеждал. Видишь, куда гнут! А это ложь, о которой мне трудно даже говорить, комок подступает к горлу! Что ж, придумали, может, они еще и придумают игру про концентрационные лагеря с виселицами и печками! И будут наших детей-дурачков учить, как и чем печи топить!

– Ну, ладно, – вздохнул Юрий Петрович, поднимаясь с дивана, – если не хочешь, можешь не рассказывать о своем последнем бое.

– Да там ничего особенного не произошло, – несмело начал Петр Осипович, глядя в окно, – это случилось весной сорок четвертого, на Украине. В день моего рождения – семнадцатого апреля. Да это и не бой был совсем. А так, незначительный эпизод местного значения. Напоролись на фрицевскую засаду. Второй Украинский фронт наступал. Я был тогда командиром танкового отделения танковой роты. Три машины мне подчинялись. Получили приказ двигаться в направлении на Умань. Идем по пересеченной местности, строим, несколько колон. Обходим какой-то населенный пункт по огромному полю; еще левее речушка, с деревьями по берегу. И тут я получаю приказ от комбата произвести разведку ближайшего оврага на юго-

востоке от курса. А мы дня два без остановки преследуем отступающих фрицев; дым, копоть и пылица от танков до неба, а они от нас драпают: никакого сопротивления не оказывают, и их и не видно вовсе. В овраг, так в овраг. Приказываю, левый поворот, и мой механик Гудков Павел, здоровый такой мужик, разворачивает машину, и мы уже в овраге, а там глиняная тряпина. Что делать? Приказ же выполнять надо!

Юрий Петрович вновь уселся на скрипучий диван.

– Я командую механику, давай на левый пригорок, – продолжал увлекшийся Петр Осипович, – а то засядем в глине. Кто же знал, что тигры за рекой? Вперед уже прошло столько машин, а от разведки никаких данных не поступало. Понимаешь?

– Да, пап, понял.

– Я докладываю: в овраге пусто, и мы идем к реке. Павел врубает первую скорость, танк вползает на косогор. И вдруг я вижу – впереди на поле, прямо у меня на глазах подбивают танк моего земляка Андрея Светличного, с которым мы в тылу дожидались машин в Танкограде и картошку пекли по вечерам в костре. Я выстрел сразу засек: бьют из-за реки из рощи по боковой броне, по двигателю. Танк Андрея сразу взялся огнем – как факел; экипаж в горящих комбинезонах прямо под пулеметы. Все погибли! Я в перископ разглядел: тигры в роще! Кричу механику «Разворачивай влево! А то подобьют!» Хотя, понимаю, что до цели далеко, но главное произвести выстрел. Командую наводчику «целься по орудию!» Ну, ты, понимаешь, что «тридцатьчетверка», хоть и лучший был танк для своего времени, но перед каждым выстрелом надо было останавливаться для прицеливания. И пока мы на этом косогоре крутились, слышу истошный крик механика «Слева! Еще „Тигр!!!“». И все. Уши заложило и темнота. Очнулся на радиаторе: механик меня вытащил. Болванка, говорит, командир, броню прошила. У тигра тогда пушка была, будь здоров – восемьдесят восемь миллиметров! От удара наш танк назад в этот овраг сполз, и пулеметами они нас не достали. Хотя все равно – в башне, кроме меня, все погибли, и наводчик старшина Александр Федотов, и заряжающий Махонько, а позже умер механик-водитель сержант Павел Гудков.

– Понятно, – разлепил губы Юрий Петрович.

Помолчали.

– А я до сих пор понять не могу, как я выжил? Как будто бы болванка сквозь меня пролетела: ни одной царапинки! Чудо какое-то! И Федотов и Махонько погибли от осколков сразу: Пашка умер позже. Сердце не выдержало, сказал мне санитар. А у меня только контузия. Тяжелая, правда и я всю жизнь на инвалидности. Вот так вот.

Юрий Петрович присел рядом с чемоданом:

– Ты, пап, меня извини, что я тебя заставил рассказать. Какой странный чемодан?

– Так он странный, потому что трофейный, – улыбнулся Петр Осипович. – Настоящий, кожаный. Дорогой, наверное, был. С металлическими уголками: можно в музей сдать. И вензель – «НТ», – провел он пальцем по буквам.

– Тяжелющий какой! – осторожно приподнял чемодан Юрий Петрович. – Как же я его потащу через весь район?

– А ты иди сразу на остановку, на Жукова. Там сядешь на троллейбус и через пятнадцать минут ты у себя – только перейти на ту сторону улицы.

– Точно, пап, – выпрямился Юрий Петрович, – пожалуй, пойду.

– А чай? – раздалось из коридора, – ты обещал чаю выпить!

– Мам, в другой раз, – насупился Юрий Петрович, не очень любивший эти визиты к своим родителям, после того как остался без семьи, – пойду без чая, а то мне еще собраться надо и купить кое-что в поезд.

– Ладно, мать, – подал голос Петр Осипович, – пусть идет. Во сколько у тебя поезд?

– В половине двенадцатого. Я договорился, мой товарищ со школы довезет до вокзала. Так что чай другой раз попьем чай.

– Так ты уже в Москве будешь! – расстроилась Зоя Федоровна.

– Да оставь ты его в покое, – возмутился Петр Осипович, – видишь, у него душа не на месте. Пусть сам разберется. Ну, если надумаешь, заходи вечерком, перед отъездом. Будем рады, – смягчился отец.

– Хорошо, спасибо за обед и за ужин, – Лукьянов-младший вышел в дверь с тяжелым чемоданом.

Глава 9

Суббота, 17 июля 1999 года. Москва

Ровно в десять часов тридцать минут утра Павел Валенда сидел за столом в кабинете полковника Зыряновой.

– Павел Васильевич, доложите ваши соображения.

– Наталья Павловна, как вы помните, в материалах дела фигурирует телеграмма о некоем Зорине? Я уже говорил о ней, – четко начал Валенда, – я хочу вам прочитать эту странную телеграмму еще раз.

– Читайте, – кивнула Зырянова.

«...Такого еще никогда не было на Земле! – читал тоном ведущего программы „Время“ майор Валенда, – восемнадцатого июля 1999 года, в семнадцать часов тридцать две минуты и тридцать секунд по ю ти си, в возрасте сорока одного года скоропостижно скончался гражданин Зорин Андрей Иванович, рожденный в городе Уральске в 1958 году. Момент смерти А.И. Зорина полностью совпал с моментом его рождения. Это уникальный случай в истории Номо Sapiens, зарегистрирован, как рекорд Гиннеса».

– Да, Павел Васильевич, эту телеграмму изучали и долго обсуждали, но сошлись на том, что это, конечно, полный бред. Причем здесь рекорд Гиннеса?! – удивилась и на этот раз Зырянова. – В свое время Борисов написал мне на обороте этой телеграммы: «Абсурд».

– Да, я видел эту резолюцию. Я предлагаю воспользоваться этой информацией, как неким индикатором, с помощью которого можно подтвердить факт реальности открытия Кондратьева.

– Уточните, – придвинулась ближе к столу полковник Зырянова.

– Наталья Павловна, все просто, – уверенно захватывал инициативу Валенда. – Ближайшее воскресенье как раз восемнадцатое июля. И этот момент, указанный в телеграмме, как момент смерти Зорина, странным образом совпадает с еще одним событием – американский лунный корабль «Ахиллес-11» якобы вышел на орбиту искусственного спутника Луны. И именно в этом году отмечается тридцатилетие первой экспедиции с людьми на Луну. Американской экспедиции.

– Продолжайте.

– Так вот, завтра утром мои одноклассники собираются на базу на озеро для празднования дня рождения Андрея Зорина. Кстати, в свое время этот маленький санаторий из пяти корпусов за хорошим забором принадлежал НКВД. Я думаю, что мне необходимо принять участие в праздничном мероприятии, чтобы на месте проверить предсказания телеграммы, – на одном дыхании произнес Валенда.

– Если я вас правильно поняла, Павел Васильевич, то возможная смерть вашего друга в воскресенье восемнадцатого июля в семнадцать часов тридцать две минуты тридцать секунд по ют и си будет доказательством реальности открытия Кондратьева?

– Да, все правильно, – несколько обмяк Валенда. – Смерть Зорина будет неопровержимым доказательством того, что Кондратьев совершил феноменальное открытие! И я буду первым, кто засвидетельствует этот факт. При условии, что эта смерть действительно произойдет.

– Да, Павел Васильевич, – помрачнела психологически устойчивая Зырянова. – Оригинальный ход. Пожалуй, верх цинизма! Значит, вы сядете рядом с Зориным, по секундомеру будете отслеживать изменения его здоровья! – повысила голос Наталья Павловна, – и чтобы убедиться, умер ваш школьный товарищ или не умер, заранее пригласите врача для констатации? Так что ли?

– Да, именно так, товарищ полковник, – окаменел за столом Валенда, сжав пальцы в замок. – Я понимаю ваши чувства, но эти мои – в высшей степени циничные – действия и

мысли продиктованы только стремлением выполнить поставленную задачу с наибольшей пользой для родины.

– Хорошо, – взяла себя в руки Наталья Павловна, – давайте к делу. Откуда такая уверенность, что это именно тот Зорин? Что, мало на Руси Зориных?

– Слишком много совпадений, товарищ полковник. Дело в том, что Уральск – городок небольшой, и тамошних Зориных я знаю почти всех. Подлинность телеграммы из апреля сорок четвертого у меня не вызывает сомнений и это подтверждается заключением ряда уважаемых экспертов. И, повторяю, ближайшее воскресенье и есть восемнадцатое июля, Зорину как раз исполняется сорок один год. Все сходится.

– Да, вроде все правильно.

– Вот и я о том же, – подхватил Валенда. – Я только, действительно, изумлен, откуда Кондратьев мог получить эти сведения в сорок четвертом году – за четырнадцать лет до рождения Андрея Зорина? И в то время, когда родители Зорина еще знакомы не были!

– Выходит, благодаря своему открытию, – осторожно предположила полковник Зырянова, – может, вы и правы, но все уж больно притянута за уши...

– У меня есть еще один, но опять очень личный аргумент.

– Говорите, Павел Васильевич, вы сегодня решили меня окончательно доконать. Что ж, добивайте.

– Мы, товарищ полковник, все выросли в одном дворе: я, Лукьянов, Зорин и еще несколько человек. Так вот, у нас была одна страшилка, гласящая, что если кто-нибудь прикоснется к красному паучку, то умрет!

– Так, так, продолжайте, майор Валенда, – заулыбалась Наталья Павловна. – Где тут у меня диктофончик? «Красный паучок», говорите?

– Можете думать обо мне все, что угодно, – увлеченно продолжал Валенда, – но однажды весной этот наш Зорин всем назло взял и раздавил красного паука. На глазах у всех! Нам тогда лет по пять-шесть было.

– И вы в это верите? Ну, и помощника я себе подобрала. Господи, хорошо, что нас не слышит генерал Борисов!

– Да, почему-то верю, товарищ полковник, – выдохнул майор ФСБ Валенда.

Глава 10

Весна 1963 года. Южный Урал

Весна 1963 года на Южном Урале выдалась затяжной и холодной. Хмурый апрель никак не мог справиться со снегом, который, казалось, и не собирался стаивать: нешуточные снегопады и даже метели не оставляли весне ни малейшего шанса распорядиться своим законным временем. А появившиеся перелетные птицы с юга были явно обескуражены местными условиями обитания и наполняли холодный воздух удивленным гомоном по этому поводу.

Только в самом конце апреля на высоких открытых местах стали появляться проталины, покрытые прошлогодней листвой, поползли бесшумные ручейки. Но уже к началу мая солнце палило нещадно, нагревая головы и плечи горожан, словно пытаясь наверстать упущенное, и заструились пахучие весенние волны, перемешивая запахи пыли и асфальта с терпкими ароматами молодой крапивы и тополиной смолы.

Птицы от радости трещали вовсю, почки на деревьях изготовились к главному действию и уже показали крошечные зеленые «язычки» и в чисто вымытом голубоглазом майском пространстве повисла настороженная нежно-бирюзовая пелена.

Шестеро дошколят: пять мальчиков и одна девочка, в теплых, замечательно пахнущих на солнце драповых пальто и в шапочках с завязками, елозя по изумрудной майской траве с желтыми цветами, усердно рыли землю на солнцепеке в новом сквере.

Театральная площадь имела форму прямоугольника, образованного ровным строем пятиэтажек. Дворец культуры – краса и гордость города, располагался с южной стороны, а новенький сквер находился напротив театра. Осенью сквер огородили бетонным забором, посадили по периметру тонкие деревца, засыпали дорожки гравием, а в центре сквера запланировали фонтан и скамейки. По бокам стали устраивать клумбы различных форм; на некоторых уже чернели подготовленные грядки, но большая часть клумб заросла травой. Именно в таких запущенных местах и было удобнее всего устраивать «секретики». Сквер разбили на месте бывших картофельных полей, и поэтому земля была мягкая. Копать было легко.

– «Секретик» сделать просто, – пискляво рассуждал самый маленький по росту – Женька Тимошкин, аккуратно вытирая себе нос грязным кулаком, – нужно выкопать ямку. Потом положить на дно камешки. А сверху накрыть стеклом.

Женька достал грязной рукой осколок бутылки из кармана серого, драпового пальто:

– Во, зеленое.

– Ага, зеленое, – согласился с ним недавно переехавший Игнат Подгорный, отличающийся от всех остальных не только странным именем, но и угрюмым взглядом исподлобья в сочетании со взрослым упрямством в достижении цели. Двор никак не мог справиться с нетипичным для данных широт именем: пробовали давать Игнату различные клички, например, «Гранат», но последний сразу набрасывался с кулаками на «экспериментатора», требуя произведения своего имени правильно.

Старая компания его опасалась, но не прогоняла. Даже Павел Валенда относился к Игнату с некоторым подобострастием, хотя и был на две головы выше. В свои пять лет Игнат имел независимый характер и стойкую привычку бродить по окрестностям двора в одиночку и неожиданно появляться в скоплении одногодок. И сейчас он гордо стоял поодаль, молча наблюдая за действиями малышни.

– Не порежься, – предупредила Женьку Тимошкина его двоюродная сестра Юля, рывшая ямку неподалеку от брата, устроившись на корточках, а не на коленках.

– Надо оконное стекло искать, – проговорил со знанием дела Юра Лукьянов, с удовольствием вдыхая аромат теплой земли и отгребая ее в сторону сцепленными руками. – Оно плоское.

– Эх, старость не радость, – прокряхтел баском длинный Валенда, приподнимаясь. Он стал сразу же усердно чистить брючки на коленках. – А сегодня утром Колька Страшный опять показывал фокусы у первого подъезда.

– Чё показывал? – шмыгал носом любопытный Андрей Зорин, рассматривая свои уже грязные на коленках чулки, колоколом нависшие над ботинками.

– Хлеб делал, – поведал Валенда, окончивший чистку брючек спереди и теперь вытирающий грязные руки о полы своего клетчатого пальто сзади. – Сделал настоящий кусочек хлеба из травы: Колька так делал: взял, сорвал колосок от травы, потер руками и вытащил кусочек хлеба. И все ребята смеялись от радости.

– А ты, Валенда, балда, – сказала аккуратная и умная Юлька с розовыми бантами и в новых ботиночках. – Зачем ты отдал Кольке свой бутерброд с маслом и сахаром?

– А он мне за бутерброд показал ещё один фокус про морковку! – настаивал упрямый Павел, – вот так взял, потер руками и раз – маленькая красная морковка! Я ее съел!

– Точно: балда, – поддержал девочку Юра Лукьянов, продолжавший углублять свой «секретик» с помощью щепки. – Юлька права. У нас у бабушки в кладовке этой морковки – знаешь, сколько! Пришел бы к нам и поел! Ой! – вдруг вскрикнул Юра. – Какой-то булыжник!

Через три минуты совместными усилиями на свет был извлечен черный камень.

– Это уголь, – сказала умная Юлька. – Антрацит. Мне папа рассказывал.

– Чего? – загалдели остальные. – Юрка, дай потрогать?

Великодушный Лукьянов разрешил всем желающим пощупать прохладный камушек. А любопытный Тимошкин стал даже нюхать кусок угля и потом принялся чихать.

– Давай его выбросим, – предложил Игнат, разглядывая находку. – Зачем он тебе?

– Нет, – Лукьянов аккуратно завернул кусок каменного угля в лопух. – Я его буду беречь. Может, потом пригодится...

В этот момент заверещал Зорин:

– И-и-ий, я палец порезал! – скривил он губы, – там что-то острое!

– Оближи, оближи, – закричали все ребята, сразу переставшие рыть и устраивать свои норки.

– Чем порезал? – хладнокровно поинтересовался Игнат.

– Там, в ямке! Наверно, стекло!

Стали смотреть туда.

– Да это же чей-то секрет! – догадался Валенда, – вон там и золотинки! И пуговицы!

– Спички! – обомлел Тимошкин, – и протянул руку.

– Стой! Не трогай, – вдруг крикнул Юра Лукьянов, – там красный паук!

Дети отпрянули:

– Берегись! Красный паук! Он охраняет! Он охраняет!

Все, кроме Зорина, отползли на безопасное расстояние.

– Я там копал – значит, это мой секрет, – сразу забыл о порезанном пальце Андрей.

– Тогда попробуй, возьми, – сказала Юлька, – к красному пауку нельзя прикасаться – умрешь! – тут же добавила она.

– Ха, ха! – заглядывал Андрей в ямку, – ты все врешь, Юлька. Он такой крошечный, как маковое зернышко. Даже меньше. Что он мне сделает?! Я сейчас его раздавлю и все-все заберу себе!

Мгновение, и словно поняв угрозу, исходящую от слов Андрея Зорина, кроваво-красный представитель отряда арахнид длиной всего семь десятых миллиметра грозно поднял передние лапки и, обнажив свои ядовитые хелицеры, стал пристально вглядываться всеми четырьмя парами глаз в синее, майское небо над ямкой.

– Расскажи ему быстрее о красном пауке, – забеспокоился Валенда.

– Расскажи, может он забыл? – подсказал Юра.

Все ребята, кроме насупившегося Андрея Зорина, который оставался рядом со своей ямкой, стали просить Юльку рассказать о красном пауке, хотя слышали эту историю много раз.

Красный паучок тоже оставался сидеть в секретике и не собирался уходить.

– Ладно, слушайте, – охотно согласилась Юля, укоризненно глянув на Зорина, который всем своим видом демонстрировал пренебрежение к общественному мнению.

– Давным-давно жили звери, люди, птицы, насекомые и красный, маленький паучок, – проговорила Юлька с выражением, – все жили дружно, потому что никто никакого не ел, а люди, звери и насекомые питались вкусными фруктами, которые росли на деревьях в лесу. И все были веселы, ведь никто никого не боялся. И каждый день звери, люди, насекомые устраивали праздник в честь какого-нибудь зверя, человека, насекомого или паучка.

– А рыбы тоже грызли яблоки? – поинтересовался Тимошкин.

– Да, и рыбы, и киты: все ели яблоки и бананы.

– Бананы? – удивился маленький Женька. – А что это?

– Ты опять забыл? Тебе же объясняли: это такие желтые, как груши, фрукты, только длинные, – уверенно пояснил длинный Валенда, – с кожурой. Ими обезьян кормят.

– Везет же обезьянам, – проглотил слюну Тимошкин.

– Да, – подтвердила Юлька, – желтые, – не перебивай меня, Женька. И чем больше люди и звери ели фруктов, тем больше они вырастали. Люди стали ростом с дом.

– Ого! – очень обрадовался маленький ростом Женька Тимошкин, очень любивший это место в сказке и мечтавший быстрее вырасти, – с наш дом?

– С наш, – спокойно реагировала Юлька. – А кит вырос с корабль!

– С атомный ледокол «Ленин»? – уточнил Лукьянов.

– Да.

– А слон вырос с гору, а лягушка с крокодила! – наперебой стали подсказывать ребята, за исключением насупленного Зорина, который считал все сказанное глупостью.

– Собака выросла с лошадь, лошадь стала размером со слона, – продолжала Юлия, – а муха увеличилась и выглядела огромной – как самолет!

– Ого! – не верил Тимошкин, – не может быть такой мухи!

– С маленький самолет, – подсказал Лукьянов, – с «истребок».

– Не мешай слушать, – толкнул Тимошкина в бок Валенда с улыбкой до ушей. – А паучок?

– Маленький паучок не вырос вовсе, – вздохнула серьезная Юлька, – потому что он не любил яблоки и бананы и не ел их. И если раньше, когда звери, люди, насекомые, рыбы и киты были нормального роста, они могли замечать маленького красного паучка, то, когда они стали великанами, они его просто не видели.

– Такой малюсенький, малюсенький, потому и не видели, – прокомментировал Женька и продемонстрировал сложенными пальчиками размер красного паучка.

– Да, – согласилась Юлька, – еще меньше. И тогда большие звери, люди, насекомые и рыбы стали смеяться над малюсеньким паучком: «Паучок! Ты, такой маленький. Тебя даже совсем не видно? Где ты? – радостно спрашивал слон-гора на празднике в свою честь, – покажись, а то я нечаянно наступлю на тебя и раздавлю!». «Где ты, Паучок? – весело кричали звери, люди, насекомые, рыбы и киты. – Покажись!» Паучок весело и громко кричал им в ответ: «Я здесь! Я за столом! Сажу на стуле! Вот он я! Но звери, люди, насекомые...»

– И рыбы, – подсказал дотошный Тимошкин.

– Да, и рыбы... не видели и не слышали маленького паучка, – продолжила Юлька, – «Если ты сейчас же не покажешься, то я раздавлю тебя!» – радостно протрубил слон-гора и поднял ногу. Тогда паучок, испугавшись, что его сейчас раздавят, открыл рот и укусил слона-гору за пятку. Паучок не знал, что его слюна ядовитая. И слон-гора сразу умер.

На этом месте все дети сильно опечалились, кроме Зорина, который исподтишка разглядывал сокровища в «секретике», стараясь определить, что там может находиться.

А сказка, между тем, продолжалась, и казалось Юре Лукьянову, что это не Юлька рассказывает, а что он сам смотрит какой-то волшебный фильм о красном паучке и зверях-великанах. А над головами ребятни в синем, майском небе проносились белые облака, Солнце уже клонилось к западу, а с противоположной стороны повисла белая Луна.

А Юлька продолжила свой рассказ:

– «Что ты наделал! – закричали звери, люди, насекомые, рыбы и киты, – уходи от нас, мы не хотим больше жить вместе с убийцей!» «Я не хотел его убивать. Слон-гора первый захотел меня раздавить! – отвечал маленький красный паучок, – я просто хотел показать, что я сижу на своем месте!» «Ты – убийца! И поэтому мы тебя прогоняем, – сказали огромные звери, люди, насекомые, рыбы и киты». И паучок пошел, понурив голову, по единственной дороге, – проговорила Юлька дрогнувшим голосом, и, увидев белую Луну на синем небе, добавила, – на Луну.

– Куда? – удивился невозмутимый Игнат.

– На Луну! – подтвердил Лукьянов. – Ты что глухой? Не мешай слушать. Давай, Юлька, дальше.

– А великаны – звери, люди, насекомые, рыбы и киты разрушили эту единственную дорогу, потому что очень боялись, что паучок сможет по ней вернуться, и тогда он будет жалить их своей ядовитой слюной! – продолжала вдохновленная Юлька. – На Луне паучок не нашел ни деревьев, ни фруктов, ни рек, ни озер и морей: там ничего не было, кроме пыли! Вскоре паучок сильно проголодался, и тогда он решил соткать длинную паутину, незаметно спуститься на Землю, набрать семечек от подсолнуха, которые ему нравились, и вернуться на Луну.

А потом Юлька рассказала, что Паучок стал ткать паутину и ночью спустился по ней с Луны на Землю, в то время, когда все звери, люди, насекомые, рыбы и киты спали крепким сном после пира. Он уже набрал немного семечек, но в этот момент проснулась огромная, рыжая собака, которая учуяла его запах.

– Вор-р-р! Вор-р-р! – громко залаяла собака ростом с лошадь.

– Лови его, – кричали проснувшиеся звери, люди, насекомые, рыбы и киты.

Собака ростом с лошадь забыла, что красный паучок ядовитый и прыгнула на него.

Защищаясь, паучок укусил собаку, и она тут же умерла. Тогда все звери, люди, насекомые, рыбы и киты испугались и закричали:

– Что ты хочешь, красный паук?

– Я хотел только набрать немного семечек и вернуться к себе на Луну. Там ничего не растет: нет ни деревьев, ни лесов, – отвечал паучок, – но я не успел сказать об этом собаке.

– Мы тебя боимся! – дрожали от страха звери, люди, насекомые, рыбы и киты.

Все вокруг увлеченно слушали рассказ.

– А самый мудрый из всех людей, – продолжала воодушевленная Юлька, – агрессор Руфке (прямо так и сказала: агрессор) проговорил:

– Если он возьмет семечки, то сможет жить на Луне, а когда они закончатся, красный паук снова вернется к нам и снова кого-нибудь укусит!

– Что делать?! – кричали в ужасе звери, люди, насекомые, рыбы и киты. – Придумай, что-нибудь, мудрый агрессор Руфке!

Мудрый агрессор Руфке думал несколько секунд и сказал:

– Если мы не дадим ему семечки, тогда он умрет на своей Луне от голода! Надо его прогнать!

– О, какой ты умный! – кричали в восторге звери, люди, насекомые, рыбы и киты. – Будь нашим владыкой! Приказывай!

Довольный Руфке приказал:

– Все возьмите палки и камни. Он испугается, и мы прогоним его на каменную Луну – на верную смерть!

И все звери, люди, насекомые, рыбы и киты взяли палки, камни и пошли черной стеной на красного паучка. И когда красный Паучок понял, что ему грозит смертельная опасность, он стал пить кровь мертвой собаки. И тут звери, люди, насекомые, рыбы и киты увидели, что малюсенький паучок стал вырастать у них на глазах. Сначала он стал ростом с жабу!

– Ай! – закричали от страха звери, люди, насекомые, рыбы и киты.

Женька Тимошкин на этом месте сказки радовался за смелого и находчивого паучка и громко смеялся! Остальные дети тоже смеялись.

– Паучок еще попил крови и стал ростом... – говорила медленно Юлька.

– С кошку! – кричали возбужденные дети.

– Паучок еще попил крови и стал ростом...

– С автобус! – подсказал Валенда, глядя на проезжавший мимо автобус.

Тут уже засмеялись все, включая Зорина.

– Нет, – продолжала серьезная Юлька, – он стал ростом с собаку. А все звери, люди, насекомые, рыбы и киты от ужаса побросали свои палки и камни и стали пятиться назад.

– Стойте, трусы! – кричал им мудрый агрессор Руфке. – Он же по сравнению с нами совсем маленький! Мы сможем его просто раздавить!

– Раздави его сам, раз такой смелый, – дружно отвечали трусливые звери, люди, насекомые, рыбы и киты, разбегаясь, кто куда.

– А паучок допил все кровь собаки и стал как... танк! – покраснелась Юлька.

– «Как тридцатьчетверка»? – обрадовался Лукьянов.

– Да, как «Т-34». Сытый, красный паук оглянулся вокруг и понял, что все звери, люди, насекомые, рыбы и киты в страхе разбежались, а он остался один. Тогда он отыскал свою паутину, ведущую на Луну, и стал по ней взбираться.

– Врешь! – вклинился в сказку Игнат до этого момента хранивший молчание. – Паутина сразу порвется, потому что танк весит много тонн.

– Это у обычного паука паутина порвалась бы. А все знают, что в мире нет ничего прочнее, чем паутина красного паука. Не перебивай меня, – сурово сказала Юлька. – И вот... красный паук стал жить на Луне. После того, как он выпил кровь собаки, он жил несколько тысяч лет, переваривая эту кровь, но с каждым днем становился все меньше и меньше. И когда кровь собаки закончилась, красный паучок опять стал малюсеньким-малюсеньким. Но он не расстроился, а подумал: «Это хорошо, что я опять такой маленький: звери, люди, насекомые, рыбы и киты не заметят меня, когда я приду за их кровью».

– Вот бы побывать на Луне! – задумчиво произнес Валенда.

– Ты что! – зашумели все хором, – на Луне нельзя жить – красный паук сразу убьет тебя!

– Не убьет! – запальчиво крикнул Андрей Зорин. – Я как дам ему кулаком!

– Так, – сказала Юлька, – вы будете слушать или галдеть? А то мне домой пора!

– Будем слушать, рассказывай, – хором закричали все.

– И он опять соткал паутину и спустился на Землю, – продолжала Юлька. – И каждый раз, когда красный паук на Луне становится маленьким и голодным, он прядет новую паутину и спускается на Землю. Но за это время агрессор Руфке поссорил людей и зверей: звери стали охотиться на людей, а люди стали убивать зверей и рыб. Люди опять стали маленькими и злыми, и красный паук легко находил себе жертву среди людей. А паучок, который сейчас сидит в норке, – продолжала умная Юлька, – как раз и есть тот самый красный паук, потому что он один единственный во всем мире красный паучок. Других не было, нет, и не будет. И он пришел в очередной раз напиться человеческой крови. Вот и сказке – конец, а кто слушал – молодец...

– А паук никуда не ушел, – сказал Игнат, наклоняясь над ямкой.

– Осторожно! Значит, он кого-нибудь из нас решил укусить, – предупредил его Юра Лукьянов.

Все ребята еще дальше отодвинулись от ямки с красным пауком.

– А космос – это что? – спросил Тимошкин.

– Это там, – отвечала Юлька, – за небом. Туда летал Гагарин.

– Это целый секстиллион километров, – не очень уверенно предположил Валенда, – а может, и дальше...

– Все вы дураки, если верите в глупые сказки, – заглядывал в ямку вредный Зорин. – Ты все врешь! Юлька. А ты, Валенда – балда, раз ей веришь! Я сейчас его раздавлю, и буду копать дальше.

– К нему нельзя прикасаться, – безнадежным голосом сказал Юра Лукьянов. – Он волшебный, ты разве не понял? Сразу умрешь.

– А спорим – не умру!

– Умрешь! – закричали в ужасе дети!

Малюсенький паучок, алея ярко-красной капелькой, подобно свежей крови на черной-пречерной земле, осторожно переступал микроскопическими лапками, и, терпеливо ожидая решения своей участи, никуда не уходил.

– Все умирают, а я не умру, – упрямо проговорил Андрей Иванович Зорин, шести лет от роду, быстро протянул правую руку и раздавил микроскопического красного паука пальцами.

– Сейчас умрет, – жалостливо сказал длинный Валенда и зажмурился.

– А где он? – удивленно спросил Андрей, разглядывая пальцы. – Где красный паук?

– Может, успел убежать? – высказал осторожное предположение Игнат.

– Вот дураки набитые! – вытер пальцы о траву Андрей Зорин и стал выгребать из чужого «секретика» пробки, пуговицы и стекляшки и засовывать их поглубже в карман драпового пальто. – А здесь я свой «секретик» делать не стану – вы место теперь знаете и заберете мои сокровища! У меня есть теперь спички, и я сейчас пойду за гаражи плавить свинец! А вы ройтесь здесь, как свиньи!

И Андрей направился к дому, стоящему на другой стороне дороги.

– Тили-тили тесто! Жених и невеста! – зло крикнул он, обернувшись.

– Дурак, – сказала Юлька.

– Как думаешь, он умрет? – тихо спросил маленький Женька у Лукьянова. – Он же хотел летчиком стать.

– Не знаю, – ответил Юра, сжимая в руке кусок каменного угля, обернутого увядающим лопухом.

Глава 11

Суббота, 17 июля 1999 года. Полдень. Уральск

Спешно выбравшись из душного салона троллейбуса, Юрий Петрович оказался на хорошо натопленной солнцем остановке общественного транспорта. Он поставил чемодан у лавочки и встал в густую тень старого тополя. Постояв с минуту и собравшись с духом для последнего перехода, Юрий Петрович поднял увесистое наследство и двинулся по «пластилинному» дорожному покрытию через проезжую часть улицы на противоположную сторону в тень пятиэтажек.

Население района, не сумевшее добраться в этот знойный день до водоемов, высыпало на улицу. В тени заборов и заборчиков спали грязные дворняжки в репьях, на крышах гаражей загорали коты, кошки и котята, по тротуарам и дорожкам неспешно двигались пешеходы в белых летних одеждах. Все двигалось лениво, приглушенно и неторопливо, включая и городской транспорт и даже стремительных некогда ласточек, сопровождающих свой неспешный полет прерывистым, надтреснутым писком. Из дворов доносились голоса детей и подростков.

Лето было в разгаре: час назад прошел настоящий тропический ливень, и обширные темные лужи, испаряясь, благоухали ностальгическими запахами заливных лугов в период разлива Нила. К благоуханию луж тонко примешивались ароматы здешних цветов в палисадниках, могущих спокойно соперничать с тропическими собратьями по высоте и окраске. Ухоженные, бронзовые пчелы усердно трудились, невзирая на жару, добавляя свои басовитые ноты к летнему нестройному хору.

Уставшая малышня по инерции бегала в тени грибков и беседок в белых трусиках и в панамках. Взрослые уральцы не отставали от малышни по уровню оголенности своих тел и воздушности туалетов. И казалось Юрию Петровичу, что находится он в какой-нибудь дельте Евфрата или Тигра в десятом веке до нашей эры, и сейчас ему навстречу вывернет из двора стадо ручных журавлей, погоняемых смуглыми, улыбающимися подростками в льняных набедренных повязках, или группа мускулистых мужчин протащит на кованых цепях парочку шипящих и хрипящих леопардов.

А Юрий Петрович, хотя и был одет облегченно, выглядел как-то не совсем празднично: во-первых, дело усугублялось давно нестриженной бородой и длиннющими лохмами аля хиппи. И как его только в школу пускали к детям? Во-вторых, в цветовой гамме его потрепанной одежды преобладали совсем не летние тона; растоптанные старые туфли были рыжекоричневого оттенка, старые джинсы были черными с сединой. Такой же «седой» была застиранная майка с еле различимой белой надписью на спине «Let it Be» и с четырьмя стершимися ликами в прямоугольниках. В правой руке Юрий Петрович нес наследство – старинный кожаный чемодан.

Лукиянов дождался зеленого света и постарался быстрее преодолеть перекресток. Перед ним, осторожно ступая по мягкому асфальту, по ухабам и рытвинам проезжей части дороги молодая мама толкала коляску со спящим ребенком.

Бесшумная, черная тень заставила Лукьянова втянуть голову, и в следующее мгновение Юрий Петрович увидел летящего ребенка, а одинокий, женский голос затянул изо всей силы высокую ноту.

Черный джип, проехав с десятков метров, нехотя остановился: с пассажирского места выскочила темная фигура и придирчиво осмотрела бампер. Женщина склонилась над неподвижным телом ребенка. Юрий Петрович почему-то оглох от увиденного. Он вдруг четко увидел ленинградский, блокадный причал и множество детских тел, неподвижно лежащих на холодных камнях с маленькими заплочными мешочками. Ярость мгновенно наполнила Юрия Петровича, он стремительно ринулся вперед к машине, не чувствуя тяжести чемодана. Дверь

водителя открылась, и в ярком, солнечном свете возникла сутулая фигура в темно-фиолетовой рубашке.

– Живой, – скривился водитель джипа, ни к кому не обращаясь.

Темно-фиолетовый лениво приблизившись к женщине, сидевшей на коленях перед ребенком и положил ей на голову пятьсот рублей и добавил гнусаво:

– Зеленку купишь. Помажешь. Смотри, куда прешь, корова! – и направился к машине.

В это время в голове Юрий Петровича пульсировали мысли: «Вот сейчас он сядет в машину и уедет. Они убивают наших детей, а мы, как скоты на бойне, молча, наблюдаем!? Коровы и те на бойне отчаянно кричат, а мы молчим».

Юрий Петрович не мог от стыда поднять голову: прохожие с такими же опущенными головами старались быстро пройти мимо. Вдруг кто-то сказал, кажется, пожилая женщина:

– Вызывайте милицию и скорую.

Водитель джипа, будучи на полпути к своей машине, повернулся и пригрозил старушке:

– Я тебе вызову милицию, карга старая.

Лукьянов продолжал свой мысленный диалог: «...они убивают наших детей, а мы, молча, наблюдаем. Они оскорбляют наших жен и матерей, а мы молчим. И еще всплыло, что из всех пороков трусость – самый отвратительный...».

Юрий Петрович увидел ноябрьское утро на ленинградском причале, самолеты с крестами, стреляющие зенитки. И лежащих мертвых детей с заплечными мешочками...

Острый удар в грудь заставил Юрий Петровича поднять глаза: он понял, что преградил дорогу водителю в фиолетовой рубашке, потому что стоял между ним и его машиной.

Водитель в фиолетовой рубашке сказал лениво:

– Куда прешь? Пшел на херь, а то покалечу!

Юрий Петрович поставил чемодан на мягкий асфальт и со всей силы обрушил резкий удар с правой руки в челюсть проходивцу из джипа. Не ожидавший такого поступка от плюгавого очкарика, «фиолетовый» потерял равновесие и рухнул, треснувшись виском о бордюр.

От машины к Лукьянову уже бежали трое и верещали. В мгновении ока вокруг Юрия Петровича образовалась стена из прохожих. Несколько женских голосов кричали: «Вызовите милицию!». А Юрий Петрович стоял в стойке, готовый продолжать бой, чувствуя, что он – на передовой под Ленинградом. Какой-то мужчина средних лет сказал Лукьянову: «Я – врач!» и склонился над лежащим в луже крови водителем джипа.

– Наповал, – сообщил он и добавил, – беги, чего встал! Они же тебя сейчас порвут! Ты их друга убил!

Пассажиры пытались прорваться сквозь кольцо, окружавшее Лукьянова, мертвого водителя и врача, но вдруг из двора через газон на полном ходу «выпрыгнул» милицейский «уазик» и, унавозив тротуар грязными колесами, остановился вблизи «эпизентра» событий.

Из машины выскочили четверо в камуфляже, в черных масках и с короткими автоматами. Они тут же завернули руки живым пассажирам джипа, положили их лицом вниз на проезжую часть дороги рядом с мертвым, окончательно застопорив движение на перекрестке. Через тридцать секунд плавно причалила легковая машина, и из нее вышли крепкие ребята.

– Пройдемте в машину, – послышалось Лукьянову откуда-то сверху.

Юрий Петрович сразу понял, что время для побега он упустил, и если сейчас сядет в машину, все будет кончено. Он посмотрел на труп у себя под ногами, потом взглянул в глаза прохожему-врачу и произнес:

– Что ж, прощайте, спасибо вам...

Юрия Петровича, между тем, цепко взяли за предплечье и настойчиво увлекали к «уазу».

«Это конец, – Юрий Петрович покорно шел к машине, – меня посадят в тюрьму. А как же наследство? Я даже не знаю, что в чемодане!»

Чемодан одиноко и нелепо стоял рядом с телом. Уже открыли дверки «зверинца» с тыльной стороны машины. И уже больно сдавили шею и пытались наклонить голову. И тут Лукьянов заметил на ветке сирени, крупную, ухоженную синицу. Юрий Петрович готов был поклясться, что синица улыбнулась ему. По-особому, по-птичьи. В этот момент очень специфично заняла рация сержанта. Сержант несколько секунд внимательно слушал сообщение, затем его лицо вытянулось, и он сделал знак подчиненным остановиться. Милиционеры подчинились, но голову Юрия Петровича не отпускали.

К чемодану, одиноко стоящему на асфальте, подсел кто-то в штатском. И в этот момент Лукьянов очнулся. Он резко вырвал руки и, оттолкнув милиционеров, бросился головой вперед. Стражи порядка вдруг расступились, а Лукьянов молниеносно подхватил тяжелый чемодан, в два огромных прыжка пересек проезжую часть и скрылся в тени двора.

Глава 12

Суббота, 17 июля 1999 года. Москва

– Вызывали? – приоткрыл дверь кабинета Валенда.

– Да, – кивнула Зырянова, – входите скорей. Мне сообщили, что Лукьянов только что убил на улице авторитета и лидера одной группировки из Екатеринбурга по кличке Компот. И скрылся с места преступления.

– Не может быть! – присел на стул Валенда, – Юрка убил человека и сбежал? А чемодан?

– Где чемодан неизвестно, но наши надеются, что чемодан остался у Лукьянова. Звягин сейчас проводит поиск в усиленном режиме, – хмурилась Зырянова. – Пока результатов нет. Я только что говорила с Петром Михайловичем, и он сообщил, что Лукьянов сбежал с места преступления, как спецназовец: раскидал всех и милиционеров в том числе. Всех, кто был в джипе, по моей просьбе закрыли. Один из них – некто Шлыков – и так был в розыске. Остальных обрабатывают. С их слов получается: Лукьянов убил человека одним ударом руки. Он что, боксер?

– Лукьянов? – налил полный стакан воды Валенда. – Нет, он не боксер. Но физически крепкий. Служил в Советской Армии. Здоровье имеется. Бег – его спорт.

– То-то и видно. Рванул так, что никто и глазом не успел моргнуть. Так что наш Лукьянов объявлен в розыск, и как сквозь землю провалился! Опрашивают свидетелей, и уже допросили родственников.

– Товарищ полковник! – заволновался Павел Васильевич. – Наталья Павловна! Вы же понимаете, Лукьянова надо спасать! Нам надо его прикрыть от всех! От милиции, от бандитов. Мне надо срочно лететь в Уральск! И надо сделать все возможное и невозможное, но Лукьянов должен поехать завтра на день рождения к Зорину. Товарищ полковник, звоните уральскому генералу и просите, чтобы Лукьянова ни в коем случае не задерживали. Наоборот, защитили от всяких «мстителей». Пусть сейчас изолируют вожakov и их подручных, а то они резвые – могут первыми найти Лукьянова, и тогда уж вся наша комбинация накроется медным тазом. А что же там произошло? Есть детали происшествия?

– Да, детали такие. Братки на джипе сбили на переходе мать с дочерью. Пешеходы шли на зеленый, а этот гад – Компот был за рулем и не пропустил. И Лукьянов разобрался по справедливости. Но для него это все равно статья. Непреднамеренное убийство – до десяти лет лишения свободы.

– Кошмар! А пострадавшие, в каком состоянии?

– В больнице с ушибами. Состояние средней тяжести.

– Понятно. Наталья Павловна, – майор Валенда взглянул на часы. – Давайте принимать решение. Отправляйте меня в Уральск! Есть рейс до Екатеринбурга на семнадцать ноль-ноль. Если поторопиться, можно успеть. Тревожный чемодан у меня наготове. И там я буду всех расставлять по местам, иначе с реализацией нашего плана возникнут серьезные проблемы.

– Да, Павел Васильевич, вы правы, – кивнула Наталья Павловна. – Мы только что провели срочное совещание с Борисовым. Он настаивает, чтобы летели в Уральск вместе. Вы и я.

Павел Васильевич открыл рот, но ничего не сказал. Наталья Павловна, сделав вид, что не заметила замешательства Валенды, продолжила:

– Все необходимое: документы, командировочные удостоверения и авиабилеты, оснащение получим в линейной части. Вылет из Домодедово в семнадцать ноль-ноль, – быстро делала пометки в ежедневнике Зырянова.

– Понятно, товарищ полковник. Восхищен вашей хваткой. А я уже хотел...

– Слушайте дальше, – жестом остановила его Наталья Павловна. – С этой минуты, а именно: с одиннадцати часов семнадцатого июля текущего года указанная тема объявляется

государственной тайной высшего уровня! В связи с этим приказываю, – Зырянова сделала многозначительную паузу, – создать оперативную группу для подготовки документов к скорейшей сдаче документов в архив. В составе майора Григорьева, капитана Демченко и лейтенанта Ларионова.

Валенда слушал, не мигая.

– Усилить в коллективе управления циркуляцию разговоров и запустить слухи о закрытии «санаторного дела» в связи с отсутствием перспективы.

– Все понятно, – кивал Валенда.

– Для решения оперативных задач государственной важности, – чеканила слова Зырянова, – сформирована спецгруппа в составе майора Валенды, а также полковника Удалова и майора Звягина. Руководство операции поручено мне – полковнику Зыряновой. Перечисленные лица будут принимать участие в экспедиции в Уральск. Для осуществления безопасной связи спецгруппы срочно разработать персональную систему и доложить. Понятно?

– Так точно, товарищ полковник, – вытянулся на стуле Валенда.

– Приказываю. С этой минуты все переговоры на тему «Кондратьев-Тесла» и все, что с этой темой связано внутри группы, в присутствии посторонних прекратить. Приказ довести до всех участников. А сама операция «Санаторий» официально считается закрытой для всех должностных и гражданских лиц. Запрещаю с этого момента переговариваться и обмениваться данными на эту тему по телефонной и мобильной связи, включая спец-связь, а также по телеграфу и интернету. Для оперативной связи пока будет действовать моя эстафета. Понятно?

– Так точно, товарищ полковник.

– В течение ближайшего часа всю бумажную и электронную документацию по этому делу изъять и ко мне на стол, Необходимо скопировать документов и поместить их в сейф номер четыре.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – только успевал кивать Павел Васильевич.

– Обращаю внимание, что лица вне круга, задающие вопросы по данному делу, автоматически попадают в подозреваемые, невзирая на звание и должности. И еще, Павел Васильевич, отправьте всем сигнал «Связь прекращаю до...».

– Будет выполнено, товарищ полковник.

– Следующее. Необходимо разработать план мероприятий в Уральске. А это что? – Зырянова взяла протянутый лист бумагу.

– Это план мероприятий, товарищ полковник.

– Когда успели? – принял документ Фомин.

– Многие называют это чудом, – сдержанно улыбался Павел Васильевич, – но я просто добросовестно выполнил порученную мне работу.

– Молодец! – просмотрела текст Наталья Павловна. – Оперативно сработано, товарищ майор. Значит, мы летим до Екатеринбурга. Вылет через четыре часа. Если поторопимся, то все успеем. Детали обговорим в самолете. Часов в семь вечера будем в Кольцово. Вопросы?

– Никак нет, товарищ полковник. Вопросов нет, – ответил Валенда.

– Тогда до встречи в аэропорту.

Глава 13

Суббота, 17 июля 1999 года. Уральск

Юрий Петрович несся во весь опор через дворы с тяжелым чемоданом. Вдруг он увидел на ближайшем доме название улицы в белом прямоугольнике: «Социалистическая», а чуть ниже таблички – цифру «8».

«Социалистическая восемь, квартира семнадцать», – возникло в голове у Лукьянова, и он тут же завернул во двор. «Лишь бы Юлька была дома!» – «вибрировало» у него в голове, когда он «пролетал» мимо худых старушек со злыми лицами и вытянутыми носами. Через мгновение Юрий Петрович скрылся в темноте подъезда. С бесшумной ловкостью рыси взлетев на второй этаж, он позвонил в квартиру номер семнадцать.

Звук разлетелся по подъезду и замер. «Только бы она была дома!» – стучало сердце Юрия Петровича, не давая прислушаться к звукам за дверью. Замок с хрустом провернулся, и дверь открылась.

– Лукьянов!? – недоверчиво улыбнулась Юлия. – Привет! Какой ты волосатый! Но все равно рада тебя видеть...

– А я-то как рад, как рад! – Лукьянов не очень вежливо оттолкнул одноклассницу и ворвался внутрь квартиры. – Привет! – оперся спиной о стену Юрий Петрович, пытаясь отдышаться. – Юля, закрой дверь поскорей.

– За тобой что – гонится милиция? – продолжала улыбаться Юлия Сергеевна, запахивала летний халатик. – Ты очень вовремя: я собираюсь в магазин. Только начала переодеваться, так что тебе повезло.

– Слава Богу! – поставил на пол чемодан Лукьянов. – Юлька! Только не выгоняй меня сразу.

– Ты что?! Я так рада тебя видеть! А утром звонила твоей маме, хотела узнать, где ты есть, а ты сам примчался.

– Юля! Я только что убил человека и сбежал от милиции. Меня ищут по всему городу. И, наверное, скоро найдут. Но до этого момента мне надо срочно посмотреть, что находится в чемодане.

– Ты с ума сошел! Ты? Убил?

– Включи телевизор – там, наверное, уже мое фото «висит», – открывал замки чемодана трясушимися руками Лукьянов. – Ты одна?

– Да, одна. Егор с другом на даче до понедельника, а мама в саду. Приедет только в воскресенье вечером. Ты можешь мне объяснить все толком!?

– А у вас почти ничего не изменилось, – машинально отметил Юрий Петрович, осторожно приоткрывая крышку чемодана.

– Да, все по старому, – оглянулась вокруг Юлия Сергеевна. – Так что случилось?

– Да, случилось, Юля, – разочарованно ответил Лукьянов, – никакого золота тут нет!

– С тобой все в порядке? – осведомилась обеспокоенная Юлия Сергеевна. – Какое золото?

– В том и дело, что «никакое», – Лукьянов захлопнул чемодан и закрыл замки. – Я сейчас все тебе объясню. Только ты меня не выдавай! – притянул он к себе одноклассницу и заглянул ей в глаза. – Мне надо побыть одному минут пятнадцать. Можно в маленькую комнату, чтобы разобраться с этим чемоданом? И я потом сразу уйду.

– Хорошо, хорошо, – быстро освободилась от цепких пальцев Лукьянова Юлия Сергеевна. – Проходи.

– Мне сегодня выдали этот чемодан и ключ к нему, – Юрий Петрович занес в комнату кожаный антиквариат, – а тут эта сволочь на джипе сбила девочку в коляске на переходе у

клуба. Я и треснул с правой, а он повалился – как мешок с картошкой, стукнулся о бордюр головой. И готов!

– Что значит «готов»?

– Один прохожий сказал, что он врач и констатировал смерть, – невесело поведал Лукьянов.

– А я хотел новую жизнь начать. Так что, если этот мужик, действительно, умер, то мне светит лет пятнадцать. Может, и больше. Если, конечно, еще живым останусь. У этих, кто на джипах, руки длинные. У тебя есть чего-нибудь прохладненького попить?

– Квас будешь? Домашний.

– Буду, буду, – присел на край кресла Лукьянов. – Юлька! Мне надо срочно изучить, что в чемодане. Понимаешь?

– Я-то понимаю, – помрачнела Юлия Сергеевна, подавая Лукьянову кружку, – а ты, похоже, не понимаешь. А если «эти» тебя найдут здесь, в нашей квартире? Они же нас всех... Что будет с Егором? С мамой? А обо мне ты подумал? Они же ни с кем не церемонятся! Ты мне и так всю жизнь испортил, Лукьянов!

– Юля, дай мне минут десять, и я уйду, – сказал Юрий Петрович безнадежным голосом и одним махом осушил бокал. – Только вот куда дальше бежать, не знаю. А что это за квас? Странный, какой-то.

– Я туда корвалолу накапала.

– Чтобы я уснул где-нибудь на скамеечке с чемоданом. Молодец. Спасибо за заботу.

– Ничего с тобой не будет. Только станешь спокойней. Выглядишь ты неважно. Тебе надо прийти в себя и успокоиться.

– Хорошо бы, – закинул руки за голову Лукьянов и вытянул ноги вперед. – Все, я успокаиваюсь. – И закрыл глаза.

– Юрка, я слышала, ты развелся? С ума, что ли сошли – на старости лет?

– Да, так получилось, Юлька.

– И где ты живешь?

– У тетки на квартире. Три остановки отсюда.

– А совместное имущество? – продолжала интересоваться Юлия Сергеевна.

– Не мучай меня, Юлька. Себе оставил только зубную щетку и долги, – Юрий Петрович убрал волосы со лба. – Но это все ерунда. Теперь я убийца, социально-опасный элемент, и мне полагается сидеть за решеткой. Или получить пулю в лоб от этих...

– И ты что, собираешься бегать и от милиции, и от мстителей? – серьезно спросила Юлия Сергеевна. – У тебя хватит сил и ловкости? А где ты собираешься прятаться? У меня?

– Юля! – хлопнул себе по лбу Юрий Петрович, испугав хозяйку. – У меня же сегодня поезд на Москву! В половине двенадцатого ночи. Вот черт! Как же мне быть теперь?

– Куда? В Москву? – удивилась Юлия Сергеевна. – Ты собрался в Москву? А почему твоя мама мне про это не сказала? На заработки? А школа? Все только и говорят: вот Лукьянов до сих пор работает в школе!

– Работал, – покачал головой Лукьянов, – две недели, как уволился. Решил бросить все к черту! Денег вечно не хватает – одни долги. Школа засасывает целиком, а платить – адекватно не платят. Если бы не мои родители, так бы и ходил в одних и тех же брюках. Так что школа – одна нервотрепка, а не жизнь. Еще добавь к этому всевозможные интриги со стороны коллег и учеников. С меня хватит. Всем всегда должен, и все тобой недовольны: и на работе, и дома.

– И что ты в Москве собрался делать?

– Я договорился со своей сестрой, Ольгой. У нее квартира хорошая. Поживу у них несколько недель – буду искать работу. А потом, когда появятся деньги, найду съемную квартиру или комнату.

– И как же ты теперь поедешь через весь город на вокзал? «Эти» тебя сразу вычислят! – прикусила нижнюю губу, Юлия Сергеевна.

– Верно, – согласился Юрий Петрович. – Я сразу не сообразил. Надо что-то придумать...

– Что тут думать, – вскочила с кресла Юля. – Тебе надо изменить внешность!

– Пластическая операция? У меня нет таких денег, да и поезд уже через десять часов – швы не заживут, – попытался острить Лукьянов. – Поеду, замотанный до неузнаваемости бинтами? Так?

– Ты, шутишь? Какая операция? Тебе надо просто сбрить твою чертову бороду и подстричься наголо. И не надевать пока очки. Будешь, как все нормальные россияне двадцать первого века – бритым. Может, у тебя и деньги через лысину появятся. А то выглядишь – как неандерталец, пугаешь женщин и детей.

– Точно! – у Лукьянова сразу улучшилось настроение. – Юлька, ты меня всегда выручала! Гениально – просто побриться и подстричься. Удивительно, но я как раз собирался сходить в парикмахерскую – только хотел после обеда. Но теперь придется самому пластаться. Может, еще на глаз повязку? Черную...

– Нет, повязку не надо. Это сразу бросается в глаза. Вот тебе ножницы, а бритву там найдешь. Вперед, – толкнула в спину Лукьянова Юлия Сергеевна. – А потом можешь открыть свой чемодан.

– Точно, Юлька, – нащупал ключ от чемодана в кармане джинсов Юрий Петрович. – Вот как открою! Да как посмотрю, что в этом чемодане! Может, это изменит мою жизнь?

– По-моему, твоя жизнь уже изменилась, – задумчиво произнесла Юлия Сергеевна.

– Это ты на себя намекаешь? – развернулся Юрий Петрович. – Очень даже возможно, если учесть, что я свободен, как никогда!

– Шагай быстрее в ванную и брейся, свободный мужчина, а то выгоню на улицу с бородой и будешь точно «свободен, как никогда».

– Ну вот! Опять угрозы. И так всю жизнь! – вернулся в комнату Лукьянов. – Юля, ты хотя бы мне веришь, что я не специально его двинул? Вскипело все внутри: он же нашу девочку, маленькую, чуть не убил. Несется, гад, на своем джипе через пешеходный переход, ничего вокруг не видит. Потом пятисотку матери бросил! А сейчас, куда не плюнь – кругом одни эти рожи. И еще наших детей убивают на наших глазах.

– Да. И когда все это кончится? – вздохнула Юлия Сергеевна.

– На том свете все и закончится, – отреагировал Лукьянов. – Потерпи, сейчас откроем чемодан. Золота нет – я проверил. Но могут быть облигации или драгоценности. И махнем, куда глаза глядят, – посмотрел на небо за окном Юрий Петрович.

– Размечтался, дядя. Тебе лет-то сколько? Брейся скорей, а я пока схожу в магазин, – стала собираться Юлия Сергеевна. – И заодно посмотрю, что там вокруг.

– Умница! Хорошо придумала! Правильно, сходи, может, милиция снует. А я быстренько побреюсь и гляну, что там в чемодане. Ужас, как интересно! Я же целую жизнь терпел. И сейчас уже вот оно рядом, а дотянуться не могу – мешают разного рода обстоятельства. Вот я и подумал: несправедливо: не успел наследство получить – и сразу в тюрьму. Обидно стало, оттого и рванул наперегонки с милицией. И убежал. Надо же? Сам удивляюсь, откуда, только прыть такая взялась? Но я, же эти дворы знаю, как свои пять пальцев.

– Правильно сделал, что рванул, – подкрашивала губы Юлия Сергеевна. – В лучшем случае сидел бы сейчас в подвале. А зато теперь мы с тобой встретились после долгой разлуки. Очень романтично: за ним гоняется милиция всего города и мстители: соревнуются – кто вперед найдет. А виновник спрятался у меня в квартире и собирается бриться уже битый час, но никак не может решиться. А после бритья он, как ни в чем бывало, рванет в Москву вечером на поезде. Молодец.

– Ладно, иди уж, – вновь нахмурился Лукьянов. – И не заводь меня, а то со мной шутки плохи! Я все ж таки человека убил.

– Ой, как страшно! – подыграла Лукьянову Юлия Сергеевна. – Хотя я не очень-то пока верю твоим историям. Еще надо все проверить. И хватит себя накручивать! – надела босоножки Юлия Сергеевна. – Ты давай-ка займись делом, и никому не открывай. А я мигом – магазин за углом. Дверь открою сама.

– Хорошо, – кивнул вслед Юрий Петрович и закрыл дверь. – Интересно? – Лукьянов быстро вернулся в комнату к чемодану, – а что же там может быть такое тяжелое?! – он положил чемодан на письменный стол. – Наверное, золотые слитки или серебряные...

Несколько секунд Лукьянов разглядывал потертый бок кожаного чемодана, и вдруг ему показалось, что в комнате слишком душно. Юрий Петрович решительно открыл балконную дверь. Воздух занес в комнату вместе с комарами и тополиным пухом вечерние звуки и запахи уральского лета.

Сделав вздох полной грудью, Юрий Петрович достал из кармана заветный ключ, и в этот момент грохнула входная дверь. Юрий Петрович подумал, что за ним пришли, и окаменел над чемоданом с ключом наизготовку. В комнату ворвалась Юлия Сергеевна.

– Во двор только что заехала милицейская машина, – не обращая внимания на извояние, быстро заговорила Юлия, – два милиционера сразу пошли к нашим бабушкам, а я вернулась тебя предупредить, чтобы ты не высовывался.

– Я и не высовываюсь, – ответил вспотевший Лукьянов, сглатывая слюну, – ты меня так напугала, думал, это командос ворвались. Хлопай дверью аккуратней, а то мое сердце не выдержит.

Юрий Петрович осторожно из-за шторы оглядел двор. Там было все тихо и спокойно, только одинокий милиционер стоял у патрульной машины и внимательно разглядывал окна дома.

– Может, мне выйти и сдать властям? – пробормотал беглец.

– Да что ты несешь? Мы не сдадимся! Надо что-то придумать. Может, он не умер вовсе. Кто знает? А если что, мы найдем адвокатов, – решительно шептала Юлия.

– Юля, я думаю, – к Юрию Петровичу вернулось былое самообладание, – тебе надо все же сходить в магазин, пройти рядом с милиционерами и послушать, о чем они говорят.

– Хорошо, – согласилась Юлия Сергеевна.

Юрий Петрович еще раз осторожно выглянул во двор, чтобы оценить обстановку. Обстановка оставалась прежней, только теперь уже три милиционера внимательно оглядывали двор.

– Нашли себе занятие, – отметил про себя Юрий Петрович и вдруг увидел над крышей дома напротив ярко-белую Луну на уральском лазоревом небе.

– Вот это да! – залюбовался он спутником Земли. – Какая красивая! Вот бы вместо Москвы махнуть на Луну! Тогда все беды и заботы остались бы точно на Земле.

Любопытная Луна медленно плыла белым привидением над крышами домов.

– Так, стоп! – прервал сам себя Юрий Петрович и развернулся к столу с ключом в руке.

– Ой! – удивился он в следующее мгновение, – живая птичка!

За чемоданом расположился серый комочек из перьев и пуха. Это была синица. Юрий Петрович сразу вспомнил каменную физиономию сержанта милиции, говорящего по рации, и улыбающуюся синицу на ветке.

– Так это ты меня спасла от милиции? Или спас?

Птица молчала.

– Постой-ка, – Юрий Петрович вновь забыл о чемодане, – у тебя, дружище, что-то с лапкой?

Синица, действительно, неестественно вытягивала левую лапку, но не проявляла признаков паники. Юрий Петрович осторожно протянул руку: Синица стала отодвигаться от руки каким-то не свойственным птицам способом: боком и не слишком быстро.

Лукьянову доводилось видеть бойких синиц в помещениях: они постоянно болтались в воздухе, шумно перемещались и, как боевые вертолеты, заинтересованно зависали над каким-нибудь объектом, привлекая их внимание. Юрий Петрович всегда испытывал чувство искреннего уважения и симпатии к этим смышленным востроносикам, которые невозмутимо перемещались по помещению без признаков паники и безошибочно находили выход на свободу. Юрий Петрович всегда уделял им внимание и следил за их поведением не только в своем кабинете в школе, но и на улице. Ему нравилась строгая красота этих маленьких, юрких созданий в черных, конькобежных шапочках и узких галстуках на желтых манишках.

Юрий Петрович стал очень осторожно приближать руку к птице. Синица сидела у стопки с книгами, нахохлившись, искоса разглядывая Юрия Петровича черными, блестящими глазами и не делая больше попыток избежать его руки. Юрий Петрович аккуратно взял теплый серо-желтый комочек и стал внимательно осматривать. Сначала голову, глаза, клюв. Затем, осторожно придерживая синицу за бока твердыми пальцами, перевернул ее на спину и сразу обнаружил: правая лапка неестественно вывернута в сторону.

– Все понятно, – тихо сказал Лукьянов, – вывих, а может, перелом. Требуется срочная перевязка.

Птица при звуках его голоса вздрогнула.

– Тебя лечить надо, – обращаясь к синице, заговорил Юрий Петрович с интонациями доктора Айболита из мультфильма, – прежде всего, необходимо поставить какие-нибудь лубки.

– Ты с кем там разговариваешь? – послышалось из коридора, – или мне показалось?

– Нет, не показалось, – ответил Лукьянов. – Юля! У тебя есть какие-нибудь лубки?

– Какие еще лубки? – Юлия Сергеевна заглянула в дверь, – ты о чем?

– А вот о ней, – Юрий Петрович вытянул вперед руку с птицей, – видишь: раненая. Нужна срочная операция.

– Так, – осторожно приблизилась Юлия Сергеевна к руке, – где взял?

– Сама залетела через балкон, – Юрий Петрович подошел к балконной двери. – Я стоял перед столом спиной к балкону. И она в этот момент залетела. Сейчас я буду ее оперировать. Нужен йод или зеленка. Бинт и спички.

– Я тебе удивляюсь, Лукьянов! Проблем выше крыши, того и гляди, в тюрьму загремит, а он птичек врачует. Чемодан-то хоть открыл?

– Не успел, Юлька, – Юрий Петрович улыбнулся, – все меня с толку сбивают: то синица, то ты примчалась назад через тридцать секунд. Юля, посмотри-ка сюда! – показал он глазами во двор.

– Что опять? – Юлия Сергеевна осторожно выглянула во двор из-за шторы.

– Похоже, милиционеры уезжают, – уточнил Юрий Петрович.

– Точно, уезжают. «Уазик» поехал к скверу вдоль шестого дома, – проговорила она тихо.

– Ай да синица! – обрадовался Лукьянов, качая синицу на ладони, – это волшебная синица. Юля! – громко скомандовал он, – неси быстро спички и зеленку!

Затем Лукьянов поместил синицу на полотенце подальше от края стола и вытащил две спички из коробка.

Юлия Сергеевна закусила губу:

– Что ты собираешься делать?

– Оперировать, – спокойно пояснил Лукьянов, хотя в душе волновался.

– К сожалению, у меня в этом никакой практики, – вздохнул Юрий Петрович, делясь сомнениями с Юлией Сергеевной, – не уверен, что это дело знаю. Плохо, нет для птиц никакой птичьей анестезии!

Вздыхнув, Юрий Петрович решительно перевернул раненную птицу на спину. Синица напряглась и изогнулась дугой, но осталась в этой позе, доверчиво ожидая дальнейших действий. Сам же Юрий Петрович мгновенно вспотел спиной и посмотрел на взволнованную Юлию.

– Видишь, птичка мне доверяет, – прошептал он.

– Давай не отвлекайся, Айболит, – твердо сказала Юлия Сергеевна, – может, тебе тампон дать или вату?

– Нет, не надо, – отмахнулся Юрий Петрович и дрожащими пальцами с усилием распрямил свернутую в колечко лапку. В этот момент Айболит почувствовал кожей пальцев тихий скрип. Юлия Сергеевна зажмурилась. Удерживая лапку в распрямленном состоянии двумя пальцами правой руки, Юрий Петрович пристроил две спички с отломанными головками к лапке и стал осторожно приматывать их к ноге синицы черной ниткой. Синица только открыла клюв со странным щелчком и, оцепенев от боли и ужаса, с укором уставилась на Юрия Петровича.

– Терпи, – говорил взмокший бывший учитель физики и астрономии, – осталось совсем немного. Сейчас острая боль пройдет, будет легче, – неуверенно приговаривал Юрий Петрович. Закончив процедуру, Юрий Петрович полил на лапу бриллиантовой зелени. Затем осторожно приподнял синицу и положил ее на полотенце, заранее расстеленное на столе возле стопки книг под настольной лампой. Синица, пребывавшая, по-видимому, в шоке, лежала, не двигаясь. Юлия Сергеевна тоже не шелохнулась и только спросила жалобно:

– Все?

– Все! Ей необходим покой, – оглянулся по сторонам Юрий Петрович, – у тебя есть какая-нибудь коробка?

– Есть старая Егоркина шапка! Подойдет? Может, ее напоить?

– Меня лучше напои, – устало вытирал пот со лба Юрий Петрович. – Ладно, я пошел стричься.

Через полчаса Юрий Петрович, обритый наголо и без бороды, восседал на диване в цветастом, женском халате на голое тело и с большой советской энциклопедией в руках.

Юлия критически осмотрела одноклассника.

– Что-то не так? Не добрил? – схватился за свежую лысину Лукьянов.

– Нет! Ты все почистил. Но... теперь, как это сказать... появилась разница в цвете. Сразу видно, что побрил голову недавно, – объяснила Юлия. – Лоб, нос и щеки загорелые, а кожа на голове и на подбородке светлая. Очень смешно.

– Что же делать? – обескуражено рассматривал себя в зеркало Юрий Петрович. – Я стал разноцветный – как бабушкин половик. Как мне выровняться?

– Кажется, знаю, – полетела в спальную комнату Юлия. – У меня есть автозагар! Сейчас мы тебя подровняем.

Лукьянов отложил энциклопедию в сторону и изготовился.

– Главное не переборщить, – наносила крем на макушку Юлия. – Минут через десять подзагоришь. Без волос ты стал похож на себя прежнего, – комментировала она новый облик одноклассника. – Теперь я понимаю, почему ты двинул этого из джипа – ты тщательно маскировал в себе зверя.

Юрий Петрович пропустил реплику мимо ушей, а синица тихо сидела в шапке под лампой.

– Её, наверно, надо водой напоить? – листал страницы энциклопедии Юрий Петрович. – Интересно, как птицы пьют воду?

– Пьют клювами, – отвечала за птицу Юлия Сергеевна. – Прекрати басить и дай ей отдохнуть. Может, она заснет.

– Хорошо, хорошо, – зашептал Лукьянов. – А чем ты ее будешь кормить?

– Я? Кормить? – возмутилась Юлия Сергеевна. – Уйдете оба через полчаса – как обсохнешь, понял?!

– Понял, – миролюбиво согласился Лукьянов. – Сейчас открою чемодан и уйдем. Вот нашел статью «Синицы». Синицы, *Parus major*, подсемейство птиц семейства синицевых. 46 видов. Распространены в Европе, Азии, Африке и Северной Америке, включая Мексику, – начал читать с выражением Юрий Петрович тихим шепотом. – В СССР обитают 14 видов рода *Parus*. Большая Синица, серая Синица, тиссовая Синица, лазоревка, князёк, гренадерка, или хохлатая Синица, московка, пухляк, болотная гаичка и другие.

– Так, интересно, – вслух озадачился Юрий Петрович. – Ты кто? Кнезек, лазоревка, гренадерка или пухляк? Как это узнать?

– Обитают преимущественно в лесах, – продолжал чтение Юрий Петрович, – вне периода гнездования кочуют стайками, часто вместе с другими мелкими птицами. Питаются насекомыми, пауками, семенами.

– Какая гадость, – прокомментировала Юлия Сергеевна. – Ну и вкусы!

– Вот, самое главное, – продолжал шептать Лукьянов, – наиболее широко в СССР распространена большая Синица (*Parus major*); гнездится в дуплах или искусственных гнездовьях (синичниках). В кладке восемь тире пятнадцать яиц, насиживают около двух недель. Зимой часто встречается у жилья. Полезна уничтожением насекомых в садах и лесах. Слышишь: полезна уничтожением насекомых! Она у тебя в саду будет жить.

– Юрка, ты точно сбрендил после развода, – покачала головой Юлия.

– Так. Похоже, брат ты мой, что ты – большая синица, которая широко распространена в СССР и которую зовут «Парус майор», – с удовлетворением подвел итог Юрий Петрович, – а поедает «Парус майор» в основном насекомых, пауков и семена. Где их взять – пауков? Семена – это значит: семечки. Наверное, их можно купить. Кстати, очень неплохое имя для синицы – Майор. Или Парус. Так, очень интересно. Хорошо. Пусть Парус будет твоим именем, а Майор – фамилией. Идет? Мне тоже нравится! Так что этот день, четырнадцатое августа, официально является твоим вторым днем рождения и именинами. В следующем году будем отмечать, понял, Парус? Хотя зачем же ждать целый год? Мы сегодня и отметим. Вечерком. Идет? Насколько я могу судить по твоему яркому оперению, ты настоящий Майор мужского рода. Значит, коньяк?

Майор не ответил – он крепко спал.

– Т-с-с, – приложила к губам палец Юлия Сергеевна. – Пойдем в большую комнату.

Лукьянов вышел вслед за ней с чемоданом.

– Так, хватит мне мешать, – поглядел Юрий Петрович на часы в гостиной. – Я уже три часа бегаю с этим чемоданом и никак не могу заглянуть внутрь. Он решительно грохнул тяжелый чемодан на обеденный стол и открыл крышку.

На выцветшем уральском небе, кроме облаков, висела большая белая Луна.

Глава 14

Ранний вечер. Суббота, 17 июля 1999 года. Урал

Ярко освещенная Луна висела внизу. Самолет накренился вправо и, резко снизившись, врезался в плотную завесу облаков. Майор Валенда оторвался от иллюминатора и с досадой проговорил:

– Эх, жаль – ничего не видно. Но, похоже, скоро сядем: уже начались маневры для захода на посадку по схеме.

– А вы что, и самолетом управлять умеете? – попыталась распрямить ноги полковник Зырянова. – Какие-то авиационные термины используете в своей речи.

– Нет, самолетом, к сожалению, не владею. В арсенале только наземный вид транспорта. Танки, автомобили, – отвечал увлеченный иллюминатором Валенда. – Товарищ полковник, – вдруг переменял тон Павел Васильевич, – я должен вам признаться...

– Признавайтесь, только быстро! – Наталья Павловна наклонилась ближе к Валенде.

– Юрка меня убьет, – стал сокрушаться здоровенный Валенда. – Мы дали клятву. А раз вам ничего неизвестно, то значит, никто эту клятву пока не нарушил. Кроме меня...

– Да что случилось, товарищ майор? Вы пока мне ничего не выдали, – стала успокаивать Павла Васильевича полковник Зырянова.

– Скорее всего, придется выдать, – продолжал сокрушаться Валенда, – потому что теперь понимаю: этот объект имеет прямое отношение к опытам Кондратьева. И координаты сходятся – как раз недалеко от Дальних дач.

– Что у вас там еще стряслось?

– Нет, товарищ полковник, пока ничего, но скоро стрясется, – усмехнулся Валенда. – Я сейчас вам расскажу, а потом Лукьянов меня убьет. И он будет прав.

– Так этот... Лукьянов – он что, опасен? – начала Зырянова. – Или имеет склонности к насилию?

– Да это я так, товарищ полковник, образно, – замялся Валенда – Нет, наш Юрка Лукьянов – настоящий мужик. В общем, дело было давно – в семьдесят втором году летом. Мы шатались по лесам, в то время, когда весь народ лежал на пляже, ходили в штормовках и резиновых сапогах по близлежащим лесам и собирали все подряд.

– А почему не загорали, как все?

– Товарищ полковник, разве можно было нам загорать! Мы же только в восьмой класс перешли. У нас была идея фикс – чего-нибудь отыскать.

– И что, отыскали?

– Да, товарищ полковник, – тяжело вздохнул Валенда, – отыскали. Точнее, Лукьянов и Юлька нашли в лесу танк «Т-34». Боевой танк с пробоиной в башне.

– Да вы что! – поразила хладнокровный полковник ФСБ Зырянова. – И где нашли?

– Вот сейчас приземлимся, – еще раз посмотрел на часы Валенда, – я вам его, пожалуй, покажу. Значит, дело было так...

Глава 15

1972 год. Южный Урал

Пятеро одноклассников-мальчиков и одна девочка – Юля, одетые, как геологи – в выцветшие штормовки и резиновые сапоги, свернули в сторону еле заметной дороги в траве и через минуту вышли на опушку леса. С ходу преодолев заросли дикого шиповника, путники остановились у края огромного желто-зеленого поля, уходившего своим передним краем вниз к далекому горизонту, на четкой фиолетовой линии которого под зарождающимися облаками расплзались разноцветные крыши домов далекой деревеньки, и сверкала верхушкой церковь.

Торжественная, сухая тишина березняка, разбавленная беспокойными осинами, осталась позади, и влажные лица ребят облепил слабый ветерок, состоявший из жареного, степного воздуха с травяным эликсиром, приправленным неистовым хором кузнечиков.

– Вот разорались! Аж, уши ломит! – искренне возмутился светловолосый и голубоглазый очкарик Женька Тимошкин, – и в такую-то жару!

Проковыляв в густую тень берез на опушке, он плашмя рухнул в траву. Через секунду в траву рухнули еще трое: Павел Валенда, Игнат Подгорный и Андрей Зорин. Самые крепкие – Юра Лукьянов и Юля Фирсова – двоюродная сестра Тимошкина, оставались на ногах. Недостигаемое Солнце ослепительно царствовало в зените. Глаза лежащих закрылись сами собой, но свирепые солнечные фотоны все равно пробивали кожу век и продолжали светиться уже изнутри ярко-зеленым светом на кроваво-красном фоне.

– Ничего себе шпарит, – лениво проговорил долговязый Павел Валенда, и, перевернувшись на бок, водрузил на обгоревший нос пластмассовые темные очки, сразу обретя иностранный облик.

– А сколько градусов то? – задал риторический вопрос в небо Андрей Зорин и, не дождав-шись реакции остальных, ответил, – наверное, все сто.

– Лучше бы остались и пошли бы на пляж, – затынул нудным басом Валенда, – там народу уйма! И волейбол.

– Так тебя и пустили купаться, Валендир! И играть в волейбол после вчерашнего, – наста-вительно проговорила красивая и рассудительная Юлька.

Через мгновение Тимошкин уже передразнивал тетю Галю окрепшим голосом:

– «Павел! Не вздумай сегодня даже подходить к воде! Вчера ты и так перекупался! Я боюсь, эти твои купания закончатся воспалением легких! Это ведь не Ялта! Хоть сегодня и жарко, но вода озера еще не прогрелась, ты запросто можешь простудиться и испортить мне весь отдых!».

Валенда горестно вздохнул и перевернулся на другой бок.

– А как она вчера вопила!!? – пискляво продолжал неутомимый любитель розыгрышей Тимошкин, – когда увидела, что я достал маленького живого рака изо рта. Я думал, сторож прибежит на ее визг с собаками.

– Было весело, – сдержанно отреагировал Павел, – но мне-то потом из-за вас нагорело.

– Что делал? – осведомился угрюмый Игнат, – опять мыл крыльцо с мылом ночью и подметал вокруг дачи?

– Да, мыл и подметал, – подтвердил Павел, – это самое строгое наказание тети Гали, слава Богу.

Подростки радостно загоготали. Даже в тени трава высыхала почти на глазах, обдавая все вокруг нестерпимым ароматом.

– Да, вам-то хорошо! – бубнил Валенда под неистовый аккомпанемент кузнечиков, – эта тетя Галя уже достала меня со своей правильностью. Вы одни на даче живете, без родителей. Полные хозяева. Уж лучше тогда здесь, – продолжал вздыхать Валенда, – по лесу шататься

в самое пекло, чем лежать сейчас на пляже с тетей Галей! У нее все по часам: загораем до одиннадцати, а потом на дачу, иначе, говорит, обгорим. Сама никогда не купается: только ходит по воде с наносником и думает, все остальные такие же верблюды, как она; могут обходиться без воды в июле.

– Ничего, верблюды, потерпи и не скули, – наставительно проговорил Юра Лукьянов, вглядываясь в близкий горизонт, – вот перемахнем через этот пригорок и выйдем к Вишневой горке, где и искупаемся.

– Там дно плохое, – мгновенно отреагировал Тимошкин. – Песка мало и камни. Я в прошлый раз продырявил пятку о какую-то корягу.

– Зачем же ты полез туда? – спрашивала Юлька, – я тебя предупреждала: не надо было идти на коровий пляж. На нем дно никогда не чистили.

– Странно, я там никогда коров не видел, – удивился Павел, – почему коровий пляж? Там коровы купались?

– Я тоже коров там никогда не видел, – поддакнул Тимошкин. – Кто придумал про коров?

– Взрослые так говорят: «коровий пляж», – авторитетно ответил Юра, – но коров там сейчас нет, это точно. Их, наверно, раньше пасли на Вишневой горке, чтобы недалеко было от водопоя. Но это было еще до войны. Мне отец рассказывал. Он же здесь вырос.

– Юрка, а у тебя отец воевал? – обратился Женька к Лукьянову.

– Да, папа Юры воевал, – быстро подтвердила Юлия, аккуратно усаживаясь на мягкую кочку, натягивая штурмовку на округлые колени, – он же приходил к нам в класс на праздник в этом году. В костюме с орденами. Ты что, уже забыл?

– Нет, не забыл, – задумчиво ответил Женька, – помню. Я просто хотел узнать подробнее. Он был кавалерист?

– Сам ты кавалерист, Тимоха! – возмутился Лукьянов, – он танкистом был! В последнем бою его «тридцатьчетверку» подбили, и он просто чудом остался в живых!

– Да, танкист – это здорово! Представляете? – вскочил на ноги Валенда, – мы катим на танке по Уральску? Грохот и дым! Все врассыпную, а мы никого не боимся, даже милиции! Как в кино про танкиста, который удрал от фашистов на танке «Т-34» и их пушку раздавил...

– Точно! – подхватил интересную тему Лукьянов, – найти бы такой танк! Настоящую «тридцатьчетверку»! Отремонтировать и ездить, хотя бы по лесу! Представляешь!? Из кустов – на зеленом танке!!! Деревья валить можно.

– А где его искать-то? Здесь и боев не было, – расстроился Тимошкин, – если мы были где-нибудь на Украине или в Белоруссии... В Бобруйске или хотя бы под Москвой... Но там все танки или пушки и без нас давно нашли и сдали в музей. Эх, угораздило же родиться у черта на куличиках! Нет, чтобы где-нибудь поближе к границе. Я танк только на картинке и видел.

– А здесь испытания, наверно, проводились, – не унимался увлекающийся Лукьянов, – может быть, где-то рядом полигон? За старой дорогой. Или в лесной чаще? И стоит танк, заросший травой, брошенный...

– Пашка, а у тебя мама что, из Москвы? – продолжал задавать вопросы из разных областей любопытный Тимошкин, – кстати, а куда эти коровы делись теперь?

– Съели, – то ли в шутку, то ли всерьез ответил Зорин, – за войну съели все стадо.

– Да, моя мама – москвичка, – ответил мечтательно Павел, – она говорит, как только я окончу школу, мы переедем в Москву. Папа как раз выйдет на пенсию. Поменяем квартиру и ту – ту! У нас же там родственники; муж тети Гали работает в каком-то министерстве.

– Везет тебе, Валенда, – искренне расстроился за себя Женька, – а нам придется все оставшуюся жизнь прозябать на Урале. В гости пригласишь?

– Приглашу, Женька, обязательно, – мечтательно улыбался будущий москвич, – когда в Москве устроимся, всех приглашу. Мне родичи говорят, поступать надо только в московский ВУЗ. Но, если честно, я бы отсюда никуда не уехал.

В душном, выцветшем пространстве кувыркались какие-то черные птицы. Иногда они срывались с высоты и бесстрашно падали в траву. А Тимошкин переживал насчет предстоящего перехода:

– Сколько еще отсюда переться? В прошлый раз мы не так круто взяли вправо и быстрее дошли. Юрла, и зачем ты нас сюда затащил? Надо было идти напрямую, через болото. Набрали бы грибов и уже бы раков наловили! А вообще, тут хоть люди есть? Глухомань, какая-та.

– Сам ты, Тимошка, глухомань, – передразнила его Юлька, – вон колесо от комбайна. Видишь – в кустах?

– Тут колхозников не счесть, – подтвердил Валенда, – они даже эту кукурузу... поливают. Я сам видел в прошлом году. Такой велосипед широкий, а там труба посередине. Она катится по полю и поливает сразу, наверно, целый гектар.

– Врешь, – без промедления констатировал Тимошкин, – не бывает таких велосипедов с трубой, – и покосился на Зорина, ища поддержки.

– Все четко, Тимоха, бывает, – сказал Зорин, – сам в киножурнале видел. Поливает, будто настоящий дождь идет.

– Так, хватит валяться. Подъем! А то до обеда не дойдем! – бодро скомандовал Лукьянов. – Вон там срежем по лесу. Сильно углубляться не будем. Что забыли – сегодня последний день свободы?

– Как так? – удивился Валенда.

– Он прав. Завтра пятница, – насупился Тимошкин, – завтра родители приедут. И начнется. Ни покурить толком, ни порыбачить.

– А ты что, уже куришь? – удивилась Юлька, с сомнением разглядывая тщедушного брата-курильщика, – ты, Женька, и так маленький, а будешь курить, совсем не вырастешь.

– Ты только моим родным не вздумай сказать, – страшно выпучил синие глаза под линзами очков Тимошкин, – да я совсем недавно попробовал. Покурили с Юрлой за забором.

– Ну и как?

– Так, – уклончиво ответил Женька, – думал, будет лучше.

– Тимошкин один раз в школе покурил, а теперь его в комсомол не принимают, – подал голос из травы Зорин.

– Правда? – уперла руки в бока Юля, – и что ты там натворил? Значит, ты еще пионер? Почему тогда галстук не носишь?

– Стоп! Хватит рассусоливать, – попробовал прервать разборки Юра, – вперед – марш!

– Пусть расскажет, – проигнорировал команду Зорин, – я чуть со смеху не лопнул. Давай, Женька. Трави баланду. Все свои.

Тимошкин пошмыгал носом, покосился на сестру и несмело начал:

– У нас были труды, а в этот туалет на первом этаже пришли восьмиклассники и еще парочка из десятого, Васильев и друг его, длинный такой...

– Федька Лысый!

– Да, он, – продолжал лежащий на животе Тимошкин, – и они стали курить в туалете у дальнего окна. А я сделал норму: сдал детали Вите, и он нас отпустил до звонка. Только сказал, чтобы мы по школе не болтались, а сидели тихо и готовились к следующему уроку. У меня было пятнадцать копеек, мы спустились в буфет и купили там ватрушки.

– А кто еще был?

– Зимин и Тихонов. Возвращаемся назад, а эти уже все сметали по пути, и давай у меня просить откусить. Я сказал, что серединка моя. Один откусил, второй отхватил – как белая акула. И у меня осталась ровно половинка.

– А ватрушка-то с чем была? – не унимался дотошный Зорин.

– С повидлом, с чем же еще? Я встал у окна рядом с туалетом и обгрызаю ее вокруг, чтобы только повидло осталось. Зимин с Тихоновым сопят, смотрят. Голодные. И тут кто-то

крикнул: «Шухер, директор!». Они раз – в туалет, и я с ними сдуру с повидлом туда же. Надо было остаться у окна. Вася бы просто спросил, и трудовик бы подтвердил, но я чего-то взял и побежал со всеми. Стою у умывальника, держу серединку и думаю: в карман не положишь. Или сейчас съесть или потом, когда Вася уйдет? Я не думал, что он так быстро прибежит. А в туалете все в дыму! Ну, только я решился съесть и поднес руку с серединкой ко рту, как тут врывается Васька и с криком: «Попался!» бьет меня по руке!

Женька замолчал и зашмыгал носом от глубокой обиды.

– Все что ли? – разочарованно спросил Валенда.

– Дайте, дайте дальше я расскажу, – пухлый Зорин заволновался от возбуждения. – Так вот: все замерли...

– А ты там тоже был? – перебил удивившийся Лукьянов.

– Нет. Мне Зимин потом рассказал, – запыхался Андрей, – так вот, все замерли, а наш Васька радостный, что поймал курильщика на месте преступления, схватил Тимошкина за ухо! А наш Тимошкин смотрел, смотрел на повидло на полу, да как заорет, как раненный слон! Вася сразу оглох и ухо выпустил. Потом он видит, что это не окурочок, а булка с повидлом и давай его успокаивать! Да куда там! Женька уже не может остановиться. Тогда Вася достал из кармана кошелек и дал ему десятчик. Только потом Тимошкин отключил своего «ревуна», а то невозможно было разговаривать: кто там был, все уши затыкали, а из всех классов учителя повысовывались. Вот как орал!

– Врешь, – врезался, как кавалерист в пехоту, Тимошкин, вращая серыми глазами, – не десятчик, а двадцать копеек. Я еще потом мороженку купил – фруктовую! И стакан газировки.

– Ну, ладно, ладно. Верим, – согласился Лукьянов, – но почему тебя в комсомол не взяли? Я что-то не понял?

– Вася все равно накапал комсorghу, – зашмыгал опять Женька, – что я был с Федькой и с Васильевым в туалете во время урока. А эти все, которые курили, тихо слиняли, пока мы с Васей разбирались. Я один остался.

Все опять радостно заготовали.

– Так, хватит, – первым очнулся Лукьянов, – давайте выдвигаться, а то только к вечеру дойдем. Нам – туда.

И он показал направление.

– А ты что раскомандовался? – не унимался Зорин, – сколько хотим, столько и лежим. Точно? – обратился он к Валенде и Тимошкину.

Ребята молчали.

– Ну, тогда загорайте в лесу в штормовках, – сдержанно проговорила красивая Юля, поправляя модную челку, – жарьтесь здесь на солнцепеке. Пойдем, Юра, – и взяла его за руку.

– Да, – обрадовался союзнику Лукьянов, – мы пойдем напрямик через лес и скоро выйдем к озеру. Только смотрите, не заблудитесь без меня! А то будете ночевать в лесу!

– Заблудиться! Тоже мне, нашел непроходимые таежные чащи! Где тут блуждать? – хохотнул Зорин, – тут от края до края все видно. Километров пять, а может меньше. Где он, лес? Одни поля!

– Точно, – поддакнул Тимошкин, – где тут заблудиться то? – он неуверенно показал рукой, – вон там озеро, а впереди эта... деревня. Название забыл. Все – как на ладони.

– Пускай валят, – зло сказал вслед Игнат.

– Точно! Пусть валят! Сами доберемся. Посмотрим, кто первый будет! – громко крикнул вслед Тимошкин.

И оставшийся квартет не торопясь, двинулся по краю поля.

Разозлившись на друзей, Лукьянов быстро спустился с горячего пригорка и зашагал по лесу в направлении лесной дороги, искоса поглядывая за отставшей Юлькой. Направление движения он определял по Солнцу, светившему ему в этот момент в правую щеку.

Главным ориентиром и подтверждением правильного направления будет заброшенная дорога, по которой местные жители гоняли стада коров и лошадей. Бурное освоение местных уральских озер и приспособление их для отдыха трудящихся началось в начале шестидесятых годов, когда руководители некоторых промышленных предприятий стали строить между деревнями на берегах водоемов разного рода скворечники для отдыха своих рабочих и служащих. Эти «скворечники» из подручных средств гордо именовались «дачами», а скопление таких дач одного предприятия – базой.

Могучая природа изо всех сил сопротивлялась нашествию бодрых отдыхающих со всего неунывающего южно-уральского региона, но с каждым годом трава между дачами становилась все ниже, и тропинки все глубже обнажали корни берез, которые, в свою очередь, приобрели нехарактерную для данного вида деревьев форму – ровные стволы без нижних веток. Представители фауны, жившие сначала вблизи и на территории баз, такие как белки, бурундуки и другие грызуны, змеи, ежи и птицы всех мастей, стали переселяться подальше от беспокойных и неугомонных старших собратьев.

Юра Лукьянов уверенно шагал вперед, ожидая, что минут через десять они выйдут на старую дорогу, затем повернут направо от болота и прошагают еще пару километров, а там уже рукой подать до озера. Так думал Юра в тот момент, когда он неожиданно оказался на краю оврага.

– Оба-на! Что-то я раньше его не встречал, – повернулся он к Юльке, – во всяком случае, в прошлом году этого оврага здесь четко не было.

– Может, обойдем? – несмело предложила раскрасневшаяся спутница.

– Нет, давай здесь перейдем, а то они нас обгонят, – вспомнил об одноклассниках Юра и боком сбежал вниз на прохладное дно оврага, укрытое лежалыми листьями.

– Давай, спускайся, – разглядывал он снизу стройные Юлькины ноги в импортных обтягивающих брючках, – и не бойся, все змеи сейчас загорают на солнышке! Они же холодно-кровные.

Юлька кивнула и стала осторожно спускаться вниз по скользкому уклону.

– Что-то я не помню такого явления природы, – Юра потрогал листья, – очень похоже на устье речки, но дно сухое. Значит, вода далеко. Овраги, насколько мне известно, – подал он руку Юльке, – появляются в полях от эрозии почвы и выветривания, а чтобы овраг появился в лесу, там, где все стянуто корнями деревьев? Может быть, там внутри что-нибудь обвалилось? Пещера или берлога?

– И так страшно, Лукьянов, – прижалась к нему Юля, – а ты тут еще с берлогой! Еще скажи, что там медведь или рысь...

– Рыси устраиваются на деревьях, – назидательно начал, было, Лукьянов.

Не успел он закончить фразу, как над его головой чиркнула крылом птица.

– Какая-то бешеная синица, – освободился от Юлькиных рук Лукьянов и ощупал голову, – чуть в глаз мне не долбанула, представляешь?

– Давай вверх быстрее, – заторопила его Юлька, – тут очень жутко...

– Стоп! – вдруг скомандовал Лукьянов и пристально посмотрел на склоненную березу.

Юлька вздрогнула и осторожно повернула голову: под белоснежным стволом склоненной березы чернел провал. Юра сразу вынул перочинный ножик и, поднявшись на пару метров выше, неуверенно проговорил, надеясь на поддержку и понимание:

– Пойду – посмотрю, что там?

В лесу установилась подозрительная тишина. Несколько секунд Юра прислушивался.

– Юра! А вдруг там, действительно, убежище рыси? С рысятами, – отчаянно зашептала Юлька, – а тут ты с перочинным ножичком. Давай уйдем!

– Нет, – сразу осмелел Лукьянов, – интересно же на рысят посмотреть, – и быстро приблизился к склоненной березе.

Из темной норы «дышало» колодцем.

– Рысь бы давно нас учуяла, – пробормотал он, – я только загляну и назад.

В этот момент от влажного сумрака, липко стелившегося по дну пустынного оврага и от лесной тишины, у Юры вдруг мелко задрожали колени, и семиклассник Юрий Лукьянов осознал, что никто другой в этом мире не сможет сейчас помочь ему преодолеть свой страх. И что только он один без посторонней помощи и поддержки должен решиться заглянуть в этот жуткий провал. Юра зажмурился и нагнул голову, как в овраге прозвучал резкий крик:

– Юра! Стой!

Лукьянов быстро оглянулся: Юлька уже была рядом.

– Я с тобой, – и решительно взяла его вспотевшую ладонь в свою.

Юра кивнул и хрипло сказал, – там темно, – но, нырнув первым головой вперед под березу, сразу угодил лицом в паутину.

– Вот, блин! – выругался он, брезгливо вытирая лицо.

Темное пространство за березой было достаточного размера, и семиклассники присели на колени на мшистую и прохладную подстилку.

– Юрк! – вдруг попросила Юлька, – сними штормовку.

Лукьянов повернулся и почувствовал свежий запах земляничного мыла: Юля закрыла глаза и тянулась к нему губами.

– Я тебя люблю, – сказала она таинственным шепотом, – и хочу целовать.

Забыв о рыси и рысятах, ослабевший и покорный Юра Лукьянов, стянул через голову свою куртку, и, наклонившись вперед, преобольно стукнулся лбом о неведомую преграду.

– Ой, – потирал он ушибленное место, – нет тут никакой пещеры! Только очень холодная стена, как лед! – забыл он сразу о Юльке и о земляничном мыле, – и пахнет ржавчиной? Надо бы больше света!

Юлька обиженно засопела.

– Трактор что ли засел? – отводил в сторону упругие, березовые ветки Лукьянов.

Пыльный свет уперся в темную массу, и Юра, видя только выпуклый серо-зеленый холодный рельеф, осознал, что перед ним башня танка «Т-34».

В следующее мгновение Лукьянов уже бежал по лесу в сторону друзей и, размахивая штормовкой над головой, кричал на весь лес:

– Та-а-а-н-к!!!

Глава 16

Суббота, 17 июля 1999 года. Уральск

– Какая странная картина! – Юлия Сергеевна смотрела на внутреннюю поверхность крышки.

– А что тут нарисовано?

– Да, очень интересно, – согласился Юрий Петрович, – вот чего-чего, но такого «пейзажа» я никак не ожидал увидеть в чемодане. Волшебный лес какой-то!

– Или сад? – Юлия придвинулась ближе. – Вот видишь, это – яблоко? Или не яблоко? Странно. Похоже, очень веселым человеком был твой дядя, раз у него в чемодане такое нарисовано!

– Что ж, многообещающее начало, – хмыкнул Лукьянов. – Но пойдем дальше. И открыл черную коробку с алыми цветами из-под конфет «Красный мак», лежащую поверх серого холста.

– О, неужели тут карта острова сокровищ? – прошептала Юлия Сергеевна. – Давай все на стол. Ужас, как люблю рыться в незнакомых вещах!

Юрий Петрович вытряхнул из коробки зеленую школьную тетрадь. Аккуратно отточенный карандаш звонко ударился о полированную поверхность стола.

– Карандаш. Простой, – машинально отметил Лукьянов и вернул его в коробку. – Ты не возражаешь, Юля, если я это почитаю?

– Читай, – пожала плечами Юлька, – а я пока позвоню маме.

И ушла на кухню с телефоном. Юрий Петрович пересел в кресло и открыл тетрадь. Первые страницы оказались исписаны синими чернилами. Почерк был мелкий и аккуратный, с характерным левым наклоном. Пишущий повествовал о расходах на ремонт кухни, ванны, туалета, комнат и печки. Далее шли сметы предполагаемых расходов на предстоящие или проведенные ремонты. После середины пошли отчеты о побелках и валенках.

Оставалось две страницы, и Юрий Петрович, искренне разочарованный содержанием прочитанного, решительно встал и уронил тетрадь на пол, а тетрадь открылась на предпоследней странице. Юрий Петрович машинально пробежал глазами несколько строчек по диагонали. Смысл сразу поразил Лукьянова. Он осторожно опустился в кресло и вновь прочел карандашные строчки:

«...Но самое главное – впереди. Дорогой Юра, когда ты будешь читать эти строки, тебя уже уместнее будет называть по имени отчеству. Так что, дорогой Юрий Петрович, а также Парус Майор, сообщаю вам, что я не только обрел некоторые необычайные способности, но пошел дальше – развил принцип структурной основы всего мироздания. Своему открытию я дал название ЛАБИРИНТ, а для описания его характеристик применил „принцип конической лабиринтности с точками бифуркации“. Все сведения об этом будут переданы тебе. Успехов. Твой дядя Коля 17 апреля 1944 года».

– Принцип конической лабиринтности с точками бифуркации, – проговорил тихо Юрий Петрович. – Откуда Николай Иванович мог знать мое имя в сорок четвертом году? – и добавил – И о Парусе Майоре?

Но обдумать свой же вопрос не успел, потому, как следующей странице обнаружилось стихотворение на английском языке, написанное простым карандашом тем же аккуратным и разборчивым почерком. Автором стихотворения значился Джон Леннон. Называлась стихотворение «Across the Universe». Далее, после несколько вычурного пояснения: «Фантазия на тему „Across the Universe“ Джона Леннона „A cross of the Universe“. Крест Вселенной», и дата – апрель сорок четвертого года. Далее следовали три четверостишья на русском:

Фантазия на тему стихотворения Джона Леннона «Across the Universe».

*A Cross of the Universe – Крест (перекресток) Вселенной.
Автор перевода – Николай Иванович Кондратьев.*

*Тихим дождем бесконечным, капли – слова ниспадают,
Сонно скользят по Вселенной, льются в бумажный стакан,
Здесь – на пороге Вселенной, слезы – слова высыхают,
Там – на пороге Вселенной – липкий, холодный туман...*

*Капли печали игриво волны восторга рожают,
Гулко спешат по Вселенной, нет им дороги назад,
Слезы печали ревниво, мысли мои обнажают,*

*Ломаный свет, поглощая, жду на пороге Вселенной,
Нежно меня приглашает жаждающий трепетный взгляд:
Быть на пороге Вселенной. Сонно меня окликают,
В той глубине поджидая – нет мне дороги назад...*

– Юля! – позвал Юрий Петрович строго Подгорную, – иди сюда! Загадки века продолжаются! На – читай, – Лукьянов протянул Юлии тетрадь. – Я прекрасно помню, что Джон Уинстон Леннон только в сороковом году появился на свет. Согласись, не мог же он в четыре года написать «Через Вселенную»? Хотя, кто его знает... он был очень талантливым человеком! Но тогда каким образом «Через Вселенную» попало к моему дяде на Урал в сорок четвертом? Вот в чем вопрос, – спрашивал Юрий Петрович.

– Не знаю, – отвечала, перечитывая стихотворные строки Юлия Сергеевна. – А это не подделка? Может, кто-то просто так шутит? Откуда этот чемодан?

– Я сегодня забрал его у отца, – ответил Лукьянов. – Этот чемодан лежал у нас на верхней полке всю жизнь и был под запретом.

– Что значит «под запретом»?

– Даже спрашивать, что это за чемодан, было запрещено. А сегодня отец мне его вручил и сказал, что так просил сделать Николай Иванович перед смертью. Потом я подрался, и человек из-за меня умер. И теперь я у тебя сижу в твоём халате на голое тело и бритый, – ощупал свежую лысину Лукьянов. – Какой ужас! Но перевод-то, Юлька, действительно хорош! Я в этом понимаю толк!

– Да, приличные стихи, – согласилась Юлия. – Неужели стихотворение «Через Вселенную» о смерти?

– Почему о смерти? – задумался Юрий Петрович. – По-моему, оно как раз о жизни!

На лестничной площадке что-то грохнуло. Юрий Петрович замер, прислушиваясь.

– Да это соседи ненормальные: поставили недавно железную дверь и с тех пор буздают ей со всей силы. Думают, что если по-другому, то она не закроется. Я уже привыкла и не обращаю внимания, – успокоила его Юлия. – Что ты говорил?

– Говорил, что так и предполагал, – Юрий Петрович устроился удобнее в кресле, – что перед открытием чемодана обязательно что-то должно случиться. Вот и случилось: я убил человека, потом эта лабиринтность. Еле выговоришь. А теперь вот, получите – песня Леннона из сорок четвертого года прошлого столетия! Что там дальше по списку? – тряхнул он тетрадкой над столом.

Дальше по списку была упавшая на стол телеграмма, напечатанная на длинной полоске пожелтевшей бумаги.

«Такого еще никогда не было на Земле, – начал читать вслух Юрий Петрович. – Восемнадцатого июля 1999 года в семнадцать часов двадцать две минуты тридцать секунд по ю

ти си в возрасте сорока одного года скоропостижно скончался гражданин Андрей Иванович Зорин, рожденный в городе Уральске в 1958 году. Момент смерти А.И. Зорина полностью совпал с моментом рождения. Это уникальный случай в истории Homo Sapiens зарегистрирован, как рекорд Гиннеса».

– Восемнадцатого июля 1999 года умрет наш Зорин? – Юрий Петрович машинально посмотрел на часы.

– Что ты мелешь? Какой Зорин? – осадила его Юлия Сергеевна. – Так, стоп! Мне на сегодня хватит. Ты обещал через полчаса вытряхнуться? Давай, одевайся и отчаливай. Синица пусть пока остается – от нее нет столько шума и всяких неприятностей как от тебя!

– Это значит, – не обратил на Юлию Сергеевну внимания Лукьянов, – что завтра! В воскресенье? Неужели красный паук? – встал с кресла Юрий Петрович. – Юлька! Ты помнишь – красный паук? Андрей раздавил тогда в сквере красного паука?!

Юлия Сергеевна решила не отвечать и просто покрутила пальцем у виска.

– Правильно, надо действовать, а не впадать в панику, – Лукьянов решительно перевернул полоску бумаги.

Вдоль телеграммы простым карандашом было аккуратно выведено: «18 апреля сорок четвертого года». И далее синими чернилами: «Подлинник. И чья-то подпись. И номер: 267–987/44».

– Опять же вопрос, откуда мой дядька все это мог узнать? – Юрий Петрович осторожно убрал в сторону серый кусок холста, укрывающий содержимое, – посмотрим, что там дальше.

В чемодане лежали старинные электрические приборы: устройство в металлическом корпусе, напоминающее первобытный радиоприемник, с множеством ручек и переключателей, катушки, реостат и множество проводов с зажимами.

– Что это? – потянул за провод Лукьянов, – тяжелый какой. Так, а эта штукovina с шишечкой похожа на передающий ключ для Морзе от рации. Понятно, значит, этот агрегат и есть сама рация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.